О. В. ЗАСЛАВСКАЯ

Заславская Ольга Владимировна
кандидат культурологии
директор,
Международный центр исследований альтернативной культуры
Hungary, 1026 Budapest, Yulia utca, 7
Сайт: www.alternativeculture.org
E-mail: zaslavsk@gmail.com

Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы[1]

Аннотация. Данное исследование является первой попыткой к написанию коллективной биографии восточноевропейского «потерянного поколения», основанной на историческом материале событий 1914–1923 гг. и биографий их участников. Задача исследования — выявить некоторые типологические черты в жизненных историях представителей этого поколения, которые помогли бы объяснить наличие (или отсутствие) элементов коллективной идентичности выходцев из разных стран, так или иначе вовлеченных в Первую мировую войну. Сложность реконструкции коллективной биографии заключается не только в затрудненности доступа к документальным источникам, но и в выборе методологического подхода, с учетом того факта, что война и революционные события начала прошлого века разделили это поколение как географически, так и идеологически. Не претендуя на полноту освещения этой темы в рамках статьи, я уделяю основное внимание коллективному опыту войны на примере группы молодых людей преимущественно еврейского происхождения, выходцев из среднего и высшего социальных слоев венгерской части империи Габсбургов.

Ключевые слова: Первая мировая война, «потерянное поколение», транснациональная история, Австро-Венгрия, плен, революция и Гражданская война

[1] Автор выражает благодарность Татьяне Борисовне Притыкиной (1951–2018) за ее внимание и ценные замечания по тексту.

© О. В. ЗАСЛАВСКАЯ
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-166-203

«Потерянное поколение»

Понятие «потерянное поколение» относится к молодым людям 1890–1900 годов рождения, многие из которых ушли на фронт практически со школьной скамьи[2]. Эрнест Хемингуэй, сам представитель этого поколения, в книге «И восходит солнце» отмечал, что термин принадлежит Гертруде Стайн[3]. Первоначально этот термин применялся преимущественно к группе американских литераторов, но позже о «потерянном поколении» стали говорить в более широком контексте, а также появилось несколько близких по значению терминов для описания этой когорты[4]. Кроме того, как подчеркивает М. Долан, влияние представителей этого поколения не ограничилось литературной сферой [Dolan 1996].

Поколение как общность, приобретающая единство культурно-исторического образа, складывается во взаимодействии двух времен: времени исторического (эпоха) и времени личной биографии. Временны́м фактором, определяющим принадлежность к поколению, является возраст (время рождения). Карл Манхейм считал, что каждое поколение в период своей юности получает определенный отпечаток как реакцию на социально-политические события своего времени. Хотя однозначного определения термина *поколение* не было сформулировано, Манхейм особо подчеркивал его социальную составляющую, а также значение интенсивности исторического развития, когда ряд событий проводит демаркационную линию между когортами в плане их «историко-социального» самосознания [Mannheim 1971: 309]. Другим важным моментом является возраст формирования «поколения»: Манхейм определяет его как 17-летний рубеж, но уточняет, что это формирование может происходить «иногда немного раньше или немного позже» [Ibid.: 300]. 25-лет-

[2] Впрочем, для принадлежности к «потерянному поколению» не обязателен военный опыт как таковой. Представители рассматриваемой группы, биографии которых рассмотрены в статье, принимали участие в военных действиях, за исключением Лео Силарда, который из-за болезни был отправлен в госпиталь. Однако война наложила отпечаток на его дальнейшую судьбу и особенно на его позицию в вопросе войны и мира [Lanouette; Grufman 2012].

[3] Первое издание: [Hemingway 1926]. См. также: [Monk 2010: 1–2].

[4] К «потерянному поколению» относят следующих лиц: Эрнест Хемингуэй (21 июля 1899 — 2 июля 1961, США), Эрих Мария Ремарк (22 июня 1898, Оснабрюк — 25 сентября 1970, Локарно), Луи-Фердинанд Селин (27 мая 1894, Курбевуа — 1 июля 1961, Франция), Анри Бретон (19 февраля 1896, Тенебре, Франция — 28 сентября 1966, Франция), Ричард Олдингтон (8 июля 1892 — 27 июля 1962, Великобритания), Джон Дос Пассос (14 января 1896 — 28 сентября 1970, США), Фрэнсис Скотт Фицджеральд (24 сентября 1896 — 21 декабря 1940, США), Томас Вулф (3 октября 1900 — 15 сентября 1938, США), Густав Реглер (25 мая 1898 — 14 января 1963, Германия) и др. О русских представителях этого поколения см.: [Поэты и писатели 2014]. В Америке используется термин «поколение Первой мировой войны», во Франции — «поколение в огне» (Génération au Feu), в Великобритании под «потерянным поколением» подразумевали прежде всего погибших на войне потенциальных представителей национальной элиты. В 1915 г. в Великобритании была введена система мобилизации (так называемая Pals system, когда батальоны формировались из добровольцев из одного города, поселения или даже школы); в битве при Сомме (1916) в ходе немецкого наступления некоторые небольшие городки практически полностью потеряли всех мужчин, относящихся к молодому поколению [Neiberg 2004: 44–45]. Р. Вол, говоря о «поколении 1914 года», включает в него тех, кто родился в 1880–1900 гг., описывая молодых интеллектуалов Франции, Германии, Великобритании и Италии как «поколение сегодняшнего дня» [Wohl 1979]. Еще один термин — «фронтовое поколение» — использует Д. Вайт [White 1992].

ний возраст он рассматривает как верхнюю границу; таким образом, «поздний подростковый и ранний взрослый возраст» составляют формативный период, когда складывается мировоззрение и когда можно говорить о формировании «поколения» с его специфическими чертами.

Термин «потерянное поколение» применяется к молодым людям, чье формирование пришлось на годы Первой мировой войны (1914–1918)[5]. Еще одной причиной относить их к «потерянному поколению» стал тот факт, что в результате выпавших на их долю событий многие его представители сменили свою страну происхождения.

В последнее десятилетие, и особенно в связи с 100-летием Первой мировой войны, появились исследовательские проекты, в рамках которых, как отмечалось выше, «потерянное поколение» трактуется расширительно как в географическом, так и в профессиональном аспекте[6]. Однако практически нет исследований, посвященных «потерянному поколению» восточноевропейских стран, что отчасти связано с отсутствием соответствующих государств в тот период, а значит, неясно, в рамках какой национальной истории изучать данное явление[7]. Поэтому в большинстве стран Восточной Европы, где Первая мировая война всегда рассматривалась как «чужая война» [Volgyes 1973], сколько-нибудь крупных проектов пока не появилось[8].

Восточноевропейские народы, до 1918 г. жившие на территории различных империй (в частности, Австро-Венгерской и Российской), оказались втянутыми в войну, в результате которой на месте прежних империй возникли новые государства; изменение границ и национального состава, а также и политического статуса не могло не сказаться на судьбах их граждан.

Транснациональная история и биографические исследования

Одной их отличительных черт «потерянного поколения» является перемещение его представителей из одной страны в другую, что можно рассматривать через призму транснациональной истории[9]. Данный методологический

[5] Для некоторых представителей рассматриваемого поколения этот период затянулся до 1920–1923 гг.; в него включаются нахождение в плену, участие в Гражданской войне в России и / или в революциях (к примеру, в Венгрии, Германии, Турции).

[6] Традиционно термин «потерянное поколение» относится к людям творческих профессий, включая литературу, искусство и науку.

[7] Существует несколько подходов к определению понятия «Восточная Европа»; в данной статье термин используется для обозначения стран, общим для которых является вхождение в состав империй в предвоенный период и получение независимости в результате войны (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, Югославия, а также часть Украины, которая входила в состав Австро-Венгрии). Кроме того, термин может распространяться на ряд ранее существовавших стран, которые оказались в новом историческом контексте в результате войны (Румыния, Болгария, Россия) [Bucur 2009: 5].

[8] Подобное отношение к теме может быть также обусловлено тем, что многие представители данного поколения стали коммунистами и активно участвовали в установлении советских режимов после Второй мировой войны. Тем не менее архивы в Польше, Венгрии и других странах приняли участие в проекте Europeana, тем самым обеспечив доступ к большому массиву архивных материалов по истории Первой мировой войны (см.: [International Encyclopedia]).

[9] Современные миграционные процессы и возникновение сообществ «поверх границ» способствовали разработке теоретических положений, которые позволяют взглянуть на проблему «потерянного поколения» в новой проекции [Saunier 2013; Macdonald n. d.].

подход позволяет учесть особенности миграций в биографии представителей «потерянного поколения», а также наметить перспективы неоднозначного прочтения их послевоенной деятельности [Eichenberg, Newman 2013; Davies 2007]. Так, Т. Франк отмечал, что для понимания жизни Лео Силарда нужно учесть, что его жизнь была обусловлена многочисленными побегами и изгнаниями, изменениями религии и языка, стран проживания; «он был человеком, которого на протяжении всей его жизни преследовали моральные дилеммы»; его «искреннее и серьезное чувство ответственности за судьбу мира» было результатом опыта его юности, опыта войны и революции в Будапеште в 1919 г. и событий в Берлине в 1933 г.: после этого он всегда был готов к переезду [Frank 2005].

Транснациональный аспект биографий «потерянного поколения» предполагает анализ в первую очередь условий и особенностей жизни и деятельности его представителей за пределами страны происхождения, вне зависимости от того, была ли эмиграция добровольной или вынужденной. Транснациональное сообщество, высшим проявление которого является диаспора, представляет собой набор межличностных отношений, связывающих эмигрантов с различными группами на родине. Подобная сеть влияет не только на связи между людьми, но и на циркуляцию различного рода ресурсов, составляющих символический капитал участников сети, который может проявляться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Особенностью транснациональных отношений является также то, что они могут поддерживаться между участниками, которые находятся в разных странах[10]. Таким образом, в данной статье рассматривается опыт нахождения за пределами стран происхождения в ходе военных действий Первой мировой войны (включая плен), который стал одним из определяющих факторов социализации представителей «потерянного поколения» и оказался востребованным в условиях послевоенной эмиграции, повлияв на их политическую ресоциализацию по возвращении домой, а позже — на их положение и деятельность в принимающих странах.

У. Фреверт справедливо отмечала, что война является особым опытом транснациональных отношений, межнациональных контактов и обменов [Frevert 2005]. Именно этот опыт стал основополагающим для представителей рассматриваемой группы, особенно с учетом того, что их предвоенный опыт ограничился школой или первыми курсами университета в лучшем случае. Военный опыт повлиял на их мировоззрение и отношение к жизни, оставив своеобразное чувство товарищества или даже родства, отличавшее их от «гражданских» членов общества. Сложно сказать, было это преимуществом или дополнительным бременем, особенно в условиях изменения национальных границ после 1918 г.: многие вернулись с войны на «новую родину».

Представители «потерянного поколения» Восточной Европы

Для анализа была выбрана группа молодых людей, родившихся преимущественно на территории венгерской части империи Габсбургов в конце XIX в.[11]

[10] Ко многим представителям рассматриваемого поколения применимо и такое понятие, как «трансмигранты» [Glick Schiller et al. 1995].

[11] См. список в конце статьи. Критерием включения в данный список (помимо года рождения) также являются занятия интеллектуальным трудом в зрелом возрасте.

Их имена достаточно хорошо известны; тем не менее некоторые важные для нашего исследования факты их жизни оказались вне внимания исследователей их творчества и деятельности. В то же время отдельные биографические факты замалчивались или искажались самими рассматриваемыми лицами[12].

Для анализа биографий была выбрана определенная тематическая последовательность, которая включает первичную и вторичную социализацию героев исследования. Как отмечалось ранее, формирование личности происходит в возрасте с 17 до 25 лет. Соответственно, в рамках этой временно́й шкалы рассматриваются факторы первичной и вторичной социализации. Факторы первичной социализации включают: а) происхождение семьи (география, национальность, экономическое положение и образовательный уровень), б) семейное воспитание, роль родителей (в том числе приемных) и других родственников, игравших особую роль в воспитании, а также взаимоотношения с братьями и сестрами. Вторичная социализация происходит за пределами семейного круга и обусловлена, соответственно: а) начальным образованием (школа, гимназия), а также кругом друзей, увлечениями и предпочтениями и т. п., б) высшим образованием (университет; в ряде случаев только военные, чаще всего офицерские курсы), в) дружбой и прочими отношениями, г) мобилизацией, фронтом, ранениями и пленом. Источниками социализации, таким образом, являются семья, друзья, школа/университет/работа, сообщества, а кроме того — средства массовой информации, круг чтения, а также законодательная система и система культурных взглядов. Политическая социализация — представления о политическом устройстве государства и мира — на начальном этапе происходит в основном под влиянием семьи, на них затем накладываются впечатления от конкретных политических событий, полученные в процессе образования; оказывают влияние и пресса, и даже разного рода слухи. Особое место для формирования мировоззрения и личных убеждений занимают религиозные представления или их отсутствие (имеют значение и конфессиональные отличия, и личный религиозный опыт).

В качестве границы, отделяющей первичную и вторичную социализацию от ресоциализации, можно рассматривать момент репатриации и решение о смене места жительства и профессиональной деятельности после возвращения с войны или из плена (даты окончания войны и репатриации могут различаться)[13].

---

[12] Многие из них не раз меняли имена, опускали какие-то детали своей биографии или мифологизировали ее, как это было в случае с Йозефом Ротом, который описывал своего отца как австрийского офицера, имевшего тайный роман с его матерью; даже место рождения он переносил из Галиции в австрийскую часть империи, умалчивая о том, что отец оставил семью еще до его рождения. Его военные подвиги явно преувеличены: по мнению его биографов, он был на Восточном фронте в качестве военного журналиста [Rosenfeld 2001].

[13] Соответственно, период ресоциализации остается за пределами этой статьи, здесь мы лишь кратко обозначим основные положения этого процесса, который включает выбор страны проживания; эмиграцию и / или «внутреннюю эмиграцию»; вторичную эмиграцию, смену имени и гражданства; высшее образование (продолжение или смену профессии); политическую ресоциализацию и непосредственное участие в политической жизни той или иной страны либо аполитичность; дружеские и семейные отношения; начало профессиональной, научной или художественной деятельности.

Семья

Большинство представителей рассматриваемого поколения — выходцы из среднего или высшего класса Австро-Венгрии, многие из так называемых мадьяризированных семей, т. е. семей еврейского происхождения, которые изменили свои фамилии, перейдя в христианство. В конце XIX — начале XX в. смена вероисповедования и принятие венгерских фамилий вместо иноязычных (преимущественно немецко-еврейского происхождения) была обычным явлением.

Так, прадеды Рауля и Роберта Орошди — братья Адольф и Бела Шнабель — сменили свою фамилию на Орошди в 1847 г.[14] Предки Лео Силарда по отцовской линии — выходцы из еврейского поселения в Галиции; при переезде в Словакию (тогда часть Австро-Венгрии) они получили фамилию Шпиц (Spitz). В 1900 г. семья сменила фамилию на Силард (Szilard). В семье отца было десять детей, отец Лео — Луис (или Лайош, на венгерский лад) был третьим сыном и любимцем матери, которая после смерти мужа переехала в Будапешт. Традиционно для этого региона в семье говорили на немецком языке, и Луис стал учить венгерский язык только после поступления в училище в Кремнице. Несмотря на слабое знание языка, ему все же удалось затем закончить инженерный факультет Технологического университета в Будапеште и сделать карьеру[15]. Для его детей — Лео, Белы и Розы — немецкий язык оставался таким же родным, как и венгерский. Ласло и Акоша Вайс (их отец Леопольд Вайс был из еврейской семьи) сменили свою фамилию на Надь (Nagy) в старших классах гимназии, взяв ее от дяди по материнской линии, который принял участие в их воспитании, после того как отец оставил семью. С его помощью братья получили хорошее среднее образование, в армию их призвали с первых курсов университета.

Из рассматриваемой группы молодых людей только Рауль Орошди принадлежал к венгерской знати. Его отец единственный из детей Адольфа Орошди вернулся в Венгрию в 1893 г. Родившись в Стамбуле и получив образование в Париже, он принял активное участие в экономической и политической жизни страны, став не только крупным землевладельцем, но и членом венгерского парламента. В 1911 г. Фюлоп Орошди получил титул барона (Boi-Orosdi de Oroszd). По настоянию матери, которая была католичкой, в 1912–1914 гг. Рауль учился в иезуитском колледже в Великобритании. Племянник Фюлопа — Роберт Орошди — хотя впоследствии и называл себя бароном, не мог унаследовать этот титул от своего дяди. Тем не менее его приемный отец — доктор Лайош Орошди, состоя на государственной службе, смог дать старшему сыну хорошее образование[16]. Служба Лайоша Орошди в г. Фиуме (Реека, Хорватия)

[14] По всей видимости, семья происходила из еврейского поселения на территории Германии, которая позже переехала в Словакию (тогда часть Австро-Венгрии). Жена Адольфа — Берта Курляндер (Berthe Kurländer) родом из небольшого австрийского городка на границе с Германией, ее семья состояла в дальнем родстве с семьей Альберта Эйнштейна.

[15] Мать Лео — Текла Видор — также происходила из еврейской семьи. В отличие от других героев исследования, ранние годы Лео Силарда хорошо документированы; сохранились мемуары его отца и матери, а также воспоминания брата, который также участвовал в написании биографии Лео [Lanouette 2013].

[16] После смерти приемной «мамы Паолы» (1912) отец женился во второй раз, и вскоре у Роберта появились два брата, Лайош и Бела.

способствовала тому, что Роберт выучил несколько языков, в том числе итальянский, на котором говорила половина населения «вольного» города. Судя по рассказам Роберта, он рос в семье, где оба родителя относились к нему как к родному, предоставив возможности для всестороннего развития как физического, так и интеллектуального[17]. К этому же времени относится увлечение Роберта авиацией, но война на многие годы отодвинула осуществление его мечты; в 1916 г. он отправляется на Восточный фронт, где вскоре попадает в плен.

Образование

В начале XX в. в Австро-Венгрии в ходе реформы образования появились гимназии, в которых уровень преподавания не уступал первым курсам университета (уровень зарплат способствовал привлечению в гимназии талантливых преподавателей). Полученные знания позволили ученикам гимназий достаточно легко поступать в престижные университеты; так, Лео Силард поступил в Технический университет в Будапеште, а Роберт Орошди — в Миланский политехнический университет, но уже после войны. Первые два курса юридического факультета удалось закончить Ласло Надю; его брат учился на медицинском, а Йозеф Рот изучал философию в Вене. Исключением, пожалуй, оказался Рауль Орошди, который должен был в 1915 г. закончить иезуитский колледж в Великобритании, куда его определили по настоянию матери — баронессы Маргит Херцог Фюлопне (Орошди). Впрочем, если бы не война, то Рауль несомненно получил бы хорошее образование. Но с началом войны он, как и другие его соотечественники, был отозван в Будапешт и вскоре записался добровольцем в австро-венгерскую армию; вчерашние друзья стали врагами.

Однако, несмотря на успешное поступление в высшие учебные заведения, никому из наших героев не удалось завершить обучение и получить полноценный опыт студенческой и профессиональной жизни; для многих он был заменен опытом офицерских школ или кратких обучающих курсов по военной специальности. Тем не менее им в большей или меньшей степени удалось почувствовать интеллектуальную атмосферу 1910-х годов, а некоторым — даже принять участие в дискуссиях революционно настроенных литераторов, объединившихся, в частности, вокруг журнала «Нюгат» («Nyugat») [Fenyo 1976; 1987].

Опыт высшей школы лишь отчасти оказал влияние на прохождение военной службы; так, Акоша Надя определили в медицинскую службу, а Йозеф Рот был направлен в отдел военной информации. Согласно военному законодательству, набор в армию осуществлялся по месту рождения, поэтому Роберту Орошди (несмотря на то что его отец занимал высокий пост в Фиуме, а дядя, отец Рауля, был членом парламента и попечителем аэроклуба в Будапеште) не удалось осуществить свою мечту — стать летчиком [Заславская 2015][18]. Многие из наших героев пошли на фронт добровольцами — в начале войны в армию брали с 20 лет, а в добровольцы можно было записаться с 17 лет.

[17] Сведения о детстве и юности Р. Орошди достаточно противоречивы. Однако недавно ставшие доступными документы из архива семьи Орошди позволяют предположить, что Лайош все-таки был родным отцом Роберта.

[18] Только пройдя войну, плен, возвращение на родину и эмиграцию в Италию, Роберт получил лицензию пилота в Риме благодаря рекомендации польского коммуниста и представителя советского торгпредства в Италии Вацлава Воровского.

Накануне войны

Восточная Европа накануне войны представляла собой своеобразное «лоскутное одеяло», населенное народами, исповедующими разные религии и говорящими на разных языках, входящими в состав четырех основных империй, часто враждебно настроенными друг против друга. Вполне объяснимо, что война на территории Восточной Европы отличалась от той, что велась на Западе; отличия заключались в длительности военных действий, депортациях и насилии в отношении этнических меньшинств и в целом гражданского населения, а также в политических последствиях войны, вылившихся в две революции [Böhker et al. 2014: 1–2]. Как отмечает Т. Викс, «Первая мировая война изменила Европу, но бесспорно, что большее влияние она оказала на Восточную Европу», где военные действия велись на протяжении 1912–1922 гг. [Weeks 2009: 34].

Йозеф Рот красочно описывает Австро-Венгерскую империю, где жили «цыгане из Пусты, гуцулы Подкарпатья, еврейские водители такси из Галиции, мои собственные родственники, словенские торговцы жареными каштанами из Сиполья, швабские фермеры, выращивающие табак, конные заводчики из степей, ‹...› торговцы лошадьми из Ханы в Моравии, ткачи из Рудных гор, мельники и торговцы кораллами из Подолии» [Roth 2013: 66].

Однако Габсбурги имели определенные опасения относительно лояльности своего населения — немцев, венгров, чехов, словаков, поляков, хорватов, сербов, словенцев, румынов, украинцев, итальянцев — и их готовности защищать ее интересы на поле битвы [Strachan 2003: 37–40]. Особая ситуация сложилась в отношении еврейского населения, чье положение начиная с конца XIX в. постоянно ухудшалось [Wróbel 2014: 170]. По мнению некоторых авторов, несмотря на то что к концу XIX в. демографический рост еврейского населения в Австро-Венгрии приостановился, его кумулятивный эффект все-таки сыграл свою роль, спровоцировав рост антисемитских настроений[19].

Война и пропаганда

После того как Габсбургская монархия объявила войну Сербии, три миллиона человек 11 национальностей были призваны в армию. Клаус Манн, которому на момент начала военных действий было всего восемь лет, писал:

> Когда я пытаюсь восстановить атмосферу 1914 года, я вижу развевающиеся флаги, серые шлемы, украшенные букетиками цветов, вяжущих женщин, яркие плакаты и снова флаги — черно-красно-белое море флагов. Воздух наполнен звуками непрекращающейся болтовни и повторяющимися припевами патриотических песен… (цит. по: [Hirschfeld 2011: 29]).

Похожие настроения царили и в других больших и малых городах империй и стран, столь опрометчиво вступивших в войну в августе 1914 г. Публичный образ всеобщего ликования сохранился в послевоенных мемуарах:

[19] Австро-Венгерская империя занимала второе после России место по концентрации еврейского населения [Haumann 2002].

толпа в 20 тысяч человек на улицах в Будапеште, размахивающая черно-желтыми флагами Габсбургов, все воодушевлены любовью к стране, «пламенем национального инстинкта» [Cornwall 2000: 16]. Ликующие толпы — это то, что бросилось в глаза Францу Кафке на улицах Праги, однако, приглядевшись, он увидел «жесткие, застывшие, внимательно вглядывающиеся черные лица с черными глазами» [Kafka 1972: 301]. Впрочем, царило настроение, что война долго не затянется и к Рождеству доблестные воины с победой вернутся домой.

Нашим героям в 1914 г. было от 15 до 20 лет, и в своем большинстве они разделяли патриотические настроения в силу молодости и характерной для этого возраста восприимчивости к идеям, которые высказывались, к примеру, прусским генералом и военным историком Фрейдрихом Бернхарди, писавшим о войне как биологической необходимости. На волне этого милитаристского угара многие пошли на фронт добровольцами, как это было в случае Эрнста Толлера, который оставил университет в Гренобле и покинул Францию на последнем идущем в Германию поезде, чтобы «защитить страну, подвергшуюся нападению»[20].

В соответствии с соглашением 1867 г. Венгрия не имела права на независимую внешнюю политику, поэтому когда австрийское правительство объявило войну, Венгрия оказалась втянутой в военное противостояние [Pullmann 2002: 350–351]. Венгры, а также представители других национальностей, входивших в состав венгерской части монархии, сражались на всех фронтах, но в большей степени они были задействованы на Восточном фронте, где им противостояли российские войска.

Однако первоначальная эйфория длилась недолго, поражения в осенней кампании 1914 г. против Сербии и России подействовали отрезвляюще. Несмотря на то что военные неудачи Австро-Венгрии были вызваны численным превосходством противника и провалами в тактике австрийской армии, вину поражения, следуя еще предвоенным предрассудкам против славян, возложили на чешских, словенских и сербских солдат, которых обвиняли в «отсутствии боевого духа», предполагалось даже «возможное сотрудничество между ними и противником» [Lein 2014]. Хотя эти слухи в большинстве случаев были необоснованными, они быстро распространялись в армии, создавая атмосферу подозрительности. На настроения армии влияли и неудачи пропаганды. Австрийская пропаганда находилась под контролем военных властей, что вскоре привело к расхождению пропагандистского образа войны с реальностью [Cornwall 2000: 28–29]. Да и сами солдаты, столкнувшись с реалиями войны, стали по-другому воспринимать происходящее. Мате Залка писал:

> Когда у Чактория наш поезд, оставив венгерскую землю, повернул к Нольстрау, сердце сжалось, и я почувствовал странное беспокойство. Это было новое ощущение. В первый день войны я ехал на

[20] Однако вскоре Толлер, по его признанию, стал активным противником войны, поняв, что война — это катастрофа для Европы и всего человечества. Он организовал Лигу революционной молодежи Германии и принял участие в забастовке рабочих военных заводов, за что был арестован. В военной тюрьме он написал свою первую драму «Die Wandlung» («Преображение») [Pinthus 1939: 4–5].

> сербский фронт, исполненный строгой решимости и наивного возмущения. Прошлой весной в Карпатах я защищал от вторгшихся русских войск выходы к венгерским равнинам. На Волыни я испытывал спокойствие победителя, — ведь мы находились на завоеванной земле. И вот снова на фронт, теперь на итальянский фронт, на мрачное Добердо. Грустная ассоциация: по этой дороге я уже ехал однажды, ехал с друзьями в Италию. Когда это было? Да всего три года назад. И все же как это было давно! Да, тогда был мир, а теперь… [Залка 1983].

Впрочем, для многих первое разочарование произошло уже на учебных курсах, где, по описанию Э. М. Ремарка[21], новобранцев «успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет», где они вскоре «стали черствыми, недоверчивыми, безжалостными, мстительными, грубыми, — и хорошо, что стали такими: именно этих качеств нам и не хватало. Если бы нас послали в окопы, не дав нам пройти эту закалку, большинство из нас, наверное, сошло бы с ума» [Ремарк 2016: 30].

Реалии войны: коллективный опыт насилия

Как отмечал Дж. Винтер, «война переживалась не только как индивидуальный и личный опыт, но и как коллективный опыт» [Winter 2000b: 2].

Э. М. Ремарк предвосхищает свой роман «На Западном фронте без перемен» словами:

> Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов [Ремарк 2016: 3].

В этой связи встает вопрос о травмах, которые нанесла война, не только физических, но прежде всего психологических. Не случайно Вальтер Беньямин задавался вопросом: «Разве не было заметно в конце войны, что люди, вернувшиеся с поля битвы, стали тише — не богаче, а беднее в коммуникативном опыте?» [Benjamin 1969: 84]. Послевоенный синдром, эпидемия нервного срыва, явление «боевой усталости» стали объектом специальных исследований, в том числе посвященных их отражению в культуре и в литературе [Leed 2000; Winter 2000a; Асташов 2002]. Среди пришедших с войны были те (и они, пожалуй, составляли наибольшую группу), кто не демонстрировал явных симптомов своей травмы, но они страдали от ночных кошмаров, легко выходили из себя и были склонны к насилию.

Следует отметить, что опыт солдат и офицеров австро-венгерской армии отличался от опыта их соратников на Западном фронте [Ellis 1977; Ashworth 1980; Watson 2009]. Немногочисленные работы, посвященные этим фронтам, а также письма, воспоминания и литературные произведения участников вой-

[21] Эрих Мария Ремарк (1898–1970) в 1916 г. был призван на фронт из учительской семинарии. После войны, сменив несколько профессий, он становится журналистом и писателем.

ны дают представление о том, с чем пришлось столкнуться солдатам и офицерам уже в первые месяцы войны [Deák 1991; Holger 1997; Dowling 2008; Tunstall 2010]. Мате Залка писал об итальянском фронте:

> Наши войска только что выдержали четвертый ишонзовский бой. На позициях мы нашли наполовину уничтоженные роты, измученные штабы, битком набитые госпитальные бараки и свежие, невиданные по размерам братские могилы. Целые отряды, усердно работая кирками и лопатами, засыпали хлорной известью эти гигантские «королевско-кесарские консервы», и каменщики тут же наглухо замуровывали их бетонными крышками. А рядом подрывники уже рвали каменистую почву, с казенной предусмотрительностью готовя новые могилы [Залка 1983].

Не менее мрачные картины возникали и на других театрах военных действий, в частности на подступах к Австро-Венгрии; Федор Степун свидетельствовал о событиях с противоположной стороны:

> Трупы лежали и слева и справа, лежали и наши и вражьи, лежали свежие и многодневные, цельные и изуродованные. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Кое-где из земли торчали недостаточно глубоко зарытые ноги. Тяжелые колеса моего орудия прошли как раз по таким торчащим из земли ногам. ‹…› Кое-кого наши батарейцы хоронили, подобрали также четырех брошенных на поле сражения раненых. Ну скажи же мне, ради Бога, разве это можно видеть и не сойти с ума? Оказывается, что можно, и можно не только не сойти с ума, можно гораздо больше, можно в тот же день есть, пить, спать и даже ничего не видеть во сне [Степун 1926: 19–20].

Ужасы войны, реальность смерти и ее повседневность порождали особую реакцию:

> Кошмары фронта проваливаются в подсознание, как только мы удаляемся от передовой; мы стараемся разделаться с ними, пуская в ход непристойные и мрачные шуточки; когда кто-нибудь умирает, о нем говорят, что он «прищурил задницу», и в таком же роде мы говорим обо всем остальном. Это спасает нас от помешательства… Мы шутим не потому, что нам свойственно чувство юмора, нет, мы стараемся не терять чувства юмора, потому что без него мы пропадем [Ремарк 2016: 21].

Вопрос выживания не сводился только к физическому выживанию, поэтому своеобразная «душевная амнезия» казалась спасительной именно для молодого поколения, практически не имевшего опыта взрослой мирной жизни.

> Люди постарше крепко связаны с прошлым, у них есть почва под ногами, есть жены, дети, профессии и интересы; эти узы уже настолько прочны, что война не может их разорвать. У нас же, двадцатилетних,

> есть только наши родители, да у некоторых — девушка… А помимо этого мы почти ничего не знали: у нас были свои мечтания, кой-какие увлечения да школа; больше мы еще ничего не успели пережить. И от этого ничего не осталось… [Там же: 23].

Поскольку большинство наших героев были из состоятельных семей, их отправили на курсы офицеров, а по окончании курсов — на Восточный фронт, где летом 1916 г. российская армия перешла в наступление. В ходе знаменитого Брусиловского прорыва для них развернулась первая трагедия войны: молодые неопытные офицеры или получили ранения, или были взяты в плен. Рауль Орошди и Ласло Надь были ранены и отправлены в госпиталь: Рауль умер от ран, а Ласло хотя и выжил, но был комиссован и на фронт больше не попал. Роберт, Акош и Бела[22] были захвачены в плен, как и многие их соотечественники.

Плен

Согласно данным, полученным из разных источников (включая Австро-венгерское министерство обороны и Российский центральный архив военной истории), количество пленных, оказавшихся на территории России в период с 1914 по 1917 г., колеблется в области полутора миллионов человек[23]. Однако «если военные действия нашли должное освещение в научной литературе, то пленение в основном описано только в воспоминаниях бывших военнопленных» [Шлейхер 2001: 55][24]. Попытки заполнить пробелы предпринимаются как российскими, так и зарубежными историками, что позволяет реконструировать опыт социализации наших героев в условиях плена[25]. Анализ пребывания в плену также дает возможность отразить скрытые аспекты опыта комбатантов (солидарность, личная и групповая идентичность), а также психологические последствия заключения [Gatrell 2005].

В плен попала треть от общего числа солдат, мобилизованных Австро-Венгрией, или «около 11% всего мужского населения» [Kramer 2010: 76]. Среди причин такого большого числа пленных, помимо проблем структурного характера, отсутствия финансирования, недостаточной подготовки и нехватки современного оружия, были и серьезные ошибки мобилизации [Holger 1997: 12–13]. Многонациональный состав военных подразделений значительно ос-

---

[22] Бела Франкл (позже Мате Залка) закончил коммерческое училище и офицерские курсы, начав войну на итальянском фронте (чему посвящена его книга «Добердо»); позже его перебросили на Восточный фронт, в 1916 г. под Луцком он попал в плен.

[23] Среди военнопленных 31% составляли венгры, 30% — австрийцы, 7% — румыны, 5% — поляки, 3% — чехи и словаки, 3% — южные славяне, 2,5% — евреи и 0,5% — итальянцы. Необходимо отметить, что офицеры составляли только 2,5% от общего числа австро-венгерских пленных [Rachamimov 2002: 9].

[24] Подобная ситуация сложилась и в западной литературе [Rachamimov 2002; Leidinger, Moritz 2003].

[25] Отчасти задача упрощается в связи с тем, что Роберт, Акош и Бела попали в один и тот же лагерь для офицерского состава в Хабаровске «Красная речка». Об австро-венгерских пленных на Дальнем Востоке см.: [Греков 1997; Иконникова 1999; Бондаренко 2012].

лаблял их боевую сплоченность[26]. Более того, даже единичные случаи капитуляции использовались должностными лицами австро-венгерской армии для обвинения солдат славянских национальностей в массовом дезертирстве, что вело к взаимной подозрительности и усиливало разобщение в войсках.

Тем не менее, по мнению Р. Грауэра, «солдаты с большей вероятностью сдадутся, когда окружающая обстановка ‹…› позволяет им ожидать гуманного обращения и относительно короткого периода плена» [Grauer 2014: 622–655]. Надежды на скорое окончание войны — уже к Рождеству — разделяли не только военные, но и гражданское население. Это может быть одной из причин того, что Германия, Россия и Австро-Венгрия не планировали строительство жилья для военнопленных и не рассматривали вопросы обеспечения их продовольствием и одеждой, оказавшись абсолютно не готовыми к столь большому количество пленных [Nachtigal 2008].

В письмах и воспоминаниях пленение описывается достаточно подробно в силу его особой значимости как момента изменения статуса и самоидентификации. Взятие в плен было эпизодом военного действия, но ситуация менялась по мере удаления от линии фронта, когда противник превращался из врага в пленного, на которого распространялись положения международного права: военнопленный имел право на жизнь и достойное отношение [Rachamimov 2002: 47].

Одним из наиболее тяжелых испытаний в плену стало перемещение военнопленных с фронта в лагеря [Васильева 1999: 90]. Описывая свои чувства во время транспортировки и многодневных пеших маршей от одного пункта назначения до другого, военнопленные подчеркивали отчаяние, которое временами овладевало ими при мысли о будущем при постепенном понимании своего положения. По словам Карла Дрекслера, он помнил только темноту, словно погрузился в нечто незнакомое и мистическое [Rachamimov 2002: 48]. Подобное состояние переживали и другие военнопленные, для которых процесс внутренней трансформации состоял из трех этапов: пути в тыл, пересылки по железной дороге и нахождению в фильтрационных лагерях. Только после этого военнопленных доставляли к месту назначения, которое, тем не менее, могло меняться в силу разных обстоятельств[27]. Пленные вспоминали о том, как медленно тянулись поезда (можно было идти рядом с вагоном), как они застревали на полустанках или в снежных заносах.

На момент пленения многие солдаты и офицеры были истощены морально и физически, многие были ранены; они страдали от голода и холода во вре-

[26] Так, не было ни одного подразделения, состоящего только из венгров [Pullmann 2002: 356–357]. Назначаемые офицеры австро-венгерского происхождения часто не знали языков своих подчиненных. Кроме того, серьезная подготовка офицерского состава была заменена краткосрочными курсами (подобные курсы закончили Ласло Надь, Роберт Орошди и Бела Франкл). Такая политика в конечном итоге привела к тому, что армия «превратилась в своего рода милицию, возглавляемую больше ‹…› гражданскими в военной униформе, чем профессиональными военными» [Deák 1991: 193].

[27] Часть пленных прямиком направлялась в Сибирь и на Дальний Восток, но многие попадали туда после мытарств по другим лагерям. Роберт Орошди был переведен из лагеря в Шкотово в лагерь «Красная речка», а Акош Надь был отправлен туда из лагеря на Украине, который размещался в здании цирка. Роман Дубовски (позже ректор Ягеллонского университета в Кракове) за время своего плена побывал не только в пересылочном лагере под Киевом, но и в Красноярском; кроме того, за время плена он успел поработать архивистом и даже преподавателем в Казанском университете.

мя длительных перевозок, от жестокого обращения и неясности относительно своего будущего. К этому стоит добавить и сложность коммуникации из-за отсутствия переводчиков; редко кто из российских солдат или местного населения говорил на языках пленных, которые, в свою очередь, не знали русского языка. Отсутствие медицинской помощи и приспособленных помещений, а также недостатки санитарных условий приводили к росту смертности, которая особенно усиливалась во время эпидемий [Davis 1993; Petrák 2000].

В Приморье сведения о военнопленных стали поступать в самом начале боевых действий, а первые военнопленные прибыли уже в октябре 1914 г. Их размещали в Спасском, Никольск-Уссурийском, Раздольном, Шкотово, а также в Хабаровске — в казармах в районе Казачьей горы, в Полковом переулке, Волочаевском городке, в районе Амурской речной флотилии, Николо-Александровской пристани («Красная речка»). Надо отметить, что понятие «лагерь», особенно в первые два года войны, отличалось от современного, предполагающего наличие специально отведенной территории, окруженной колючей проволокой с охраной по периметру[28]. В большинстве случаев военнопленных размещали в самых разных помещениях — от тюрем до зданий школ[29].

На первом этапе войны российское государство старалось следовать международным договоренностям относительно военнопленных[30]. В частности, офицеры содержались отдельно и пользовались рядом преимуществ: им должны были предоставляться помещения, в которых, кроме кроватей, были «в достаточном числе хотя бы самого простого образца столы, стулья или табуреты, шкафы, умывальники, вешалки» [Талапин 2009: 21]. Высшему офицерскому составу разрешалось иметь денщиков, они получали посылки, а также денежное пособие в размере 50–70 рублей (для генералов — 125), что позволяло вести достаточно сносную жизнь. К тому же, несмотря на то что практически сразу после начала войны было принято решение об использовании труда военнопленных (за исключением военной промышленности), «трудовая повинность» не распространялась на офицеров[31]. Впрочем, многие старались найти работу по специальности, преподавали иностранные языки или участвовали в различных культурных мероприятиях[32].

Как следствие, какая-то часть пленных получила относительную свободу, и вольно или невольно они стали участниками повседневной жизни России, о

[28] Об использовании термина *лагерь* применительно к российскому плену и об особенностях процесса «лагеризации» см.: [Pastor 1983; Rachamimov 2002; Суржикова 2014].

[29] Так, в Бийске первые партии пленных австрийцев и венгров разместили в здании Электротеатра и общественного собрания; позже нижние чины жили ротами в бараках, а офицеров расселили по квартирам в городе [Цапко 2001: 25–29].

[30] Гаагская конвенция 1907 г. декларировала гуманное обращение с военнопленными, тюремный режим был исключен (эта мера могла быть применена лишь как временная). Привлечение пленных к труду за плату было разрешено, но работа не должна была быть тяжелой и связанной с военными действиями. К сожалению, эти и другие соглашения постоянно нарушались всеми воюющими державами.

[31] В 1914–1915 гг. российским правительством были приняты документы, регулирующие труд пленных: «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях».

[32] Наиболее распространенной формой была организация оркестров [Царёва 2012].

которой до этого не имели представления [Кондратьев, Щербинин 2009]. Так, Вильгельм Гаан вспоминал, как после двух недель пути он прибыл в Омск, где стал свидетелем бурлящей жизни:

> …Новый театр, цирк и множество кинотеатров, городской парк, в котором играл оркестр военнопленных австрийцев ‹…›. Такой мы себе Россию не представляли [Шлейхер 2001: 57].

Впрочем, нужно учитывать, что положение и условия содержания рядовых и офицеров отличались уже на этапе транспортировки: если нижние чины ехали в вагонах для скота, то офицеры занимали места в пассажирских вагонах; многие офицеры могли позволить себе покупать продукты, а также теплые вещи. Однако плен оставался пленом, и даже офицеры оказывались в тяжелых условиях. Е. Джуль вспоминал антисанитарию в подмосковном госпитале, жестокое обращение охраны даже с тяжелоранеными[33]. Несмотря на помощь военнопленным со стороны международных организаций (в том числе Красного Креста[34]), условия их содержания улучшились незначительно[35]. На эти условия влияли разные факторы, в том числе дифференцированное отношение по национальному признаку. Военнопленные славянских национальностей направлялись преимущественно в военные округа, расположенные в Центральной России, в то время как венгры, австрийцы и немцы — в Сибирь, а также в Приамурский округ. В 1916–1917 гг. были построены специальные бараки и появились крупные лагеря, которые вмещали от 3 до 10 тысяч человек. Так, Никольско-Уссурийский лагерь насчитывал 15 тысяч пленных; менее крупными были лагеря для офицерского состава; в лагере «Красная речка» содержалось от тысячи до полутора тысяч человек [Греков 1997: 155]. В этом лагере пленные жили в кирпичных бараках, где внутреннее пространство было разделено занавесями, создававшими таким образом «комнаты» для 3–4 человек.

Поскольку офицеры были освобождены от обязательного труда, у них было достаточно времени для организации библиотек, оркестров, театров, учебных курсов, теннисных кортов, специальных помещений для занятий спортом и даже поля для игры в футбол[36]. Существовала академия торговли, под которую был выделен целый барак в Березовском лагере (ее диплом был признан после войны) [Rachamimov 2002: 99]. Пленные получали российскую и зарубежную прессу, материалы которой переводились на другие языки и читались вслух. Много внимания уделялось изучению иностранных языков; в Красноярском лагере изучали, помимо немецкого и английского, латынь [Ibid.: 100].

---

[33] При этом многие пленные отмечали помощь со стороны врачей и медсестер [Шлейхер 2001: 59–60].

[34] О деятельности Красного Креста в эти годы см.: [Davis 1993].

[35] В целом, положение немецких офицеров было на порядок лучше — за счет помощи со стороны германского правительства, осуществляемой через благотворительные организации и частные пожертвования [Шлейхер 2001: 73]. До февраля 1917 г. интересы всех германских и австрийских подданных защищали Соединенные Штаты Америки, но позже для распределения пособий и предоставления отчетов стали назначать специальных чиновников

[36] Одним из организаторов театра в лагере «Красная речка» был Мате Залка. Этот опыт несомненно сыграл свою роль при назначении его директором Театра Революции в Москве в 1924–1927 гг. (сейчас Театр им. В. Маяковского).

Важным моментом лагерной жизни были письма из дома [Rachamimov 2000]. Особое значение также имело неформальное общение с местным населением, чему российский плен Первой мировой войны в принципе не препятствовал, хотя такое общение и квалифицировалось как нежелательное[37]. Широкое использование имевшихся строений (частных домов, зданий школ и гимназий, складов, театров, гостиниц и т. д.) вело к тому, что пленные «рассредоточивались и даже рассеивались, что облегчало задачу преодоления коммуникативных барьеров между ними и местным населением» [Суржикова 2011: 55]. Часто городские власти, столкнувшись с проблемами размещения и обеспечения военнопленных, разрешали им дополнительные заработки[38].

Круг общения представителей «потерянного поколения» можно охарактеризовать как «вынужденный интернационал», в который входили представители самых разных национальностей и разного социального статуса. Возможности коммуникации расширялись для тех, кто знал несколько языков. Так, Роберт Орошди помимо венгерского владел немецким, итальянским и английским. В плену он выучил русский. Знание русского языка позволило Мате Залке сделать военную карьеру в Красной армии, а Акошу Надю стать журналистом. Демографическая ситуация в Хабаровске и Владивостоке характеризовалась притоком населения из близлежащих стран — Кореи, Китая, Японии. С началом иностранной интервенции появились также американские и канадские военнослужащие. Судя по кинохронике из американских архивов, командование экспедиционных войск интересовались положением военнопленных.

Тот опыт, что получили молодые офицеры на фронтах Первой мировой войны, сам по себе был достаточным основанием для разочарования в идеалах юности. Годы, проведенные в плену, принесли новый опыт, который, однако, привел бывших соратников и солагерников к выбору разных жизненных путей. На этот выбор оказали влияние самые разные факторы, среди которых особую роль сыграл круг общения в лагере и за его пределами, а также сам ход исторического развития той страны, в которой они находились. Таким образом, события 1917 г. стали решающими для многих представителей «потерянного поколения». И если Эдвин Двингер выбрал путь борьбы с большевизмом, вступив в Белую армию [Двингер 2004], то наши герои встали в ряды Красной гвардии.

Революция и революционные настроения среди военнопленных

После революции в России военнопленные попали в новую политическую ситуацию. Ленин рассматривал «пролетариат всех воюющих и всех вообще стран» в качестве союзника российского пролетариата [Ленин 1974b: 22].

[37] Подробнее о взаимоотношениях военнопленных с женским населением см.: [Кондратьев, Щербинин 2009].

[38] Первое время военнопленным разрешалось гулять по городу без охраны, но позже из-за участившихся побегов были введены ограничения. Обычно пленные бежали поодиночке, особенно часто — с сельскохозяйственных работ и работ на частных предприятиях, но побеги редко имели шансы на успех, так как большинство не знало русского языка, к тому же беглецов было легко распознать по внешнему виду. Российские власти обычно связывали побеги со шпионской деятельностью иностранных государств, хотя чаще всего число побегов является одним из показателей условий содержания военнопленных; наибольший рост зафиксирован после 1917 г. на фоне ухудшения жизни военнопленных.

Он был убежден, что мирные инициативы советской власти окажут революционизирующее влияние на находившихся в России иностранцев:

> ...Заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными, и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии [Ленин 1974а: 318–319].

Это предположение оказалось справедливым и в отношении вернувшихся на родину венгерских военнопленных [Krammer 1983].

В своем анализе методов массовой мобилизации П. Кенез уделил особое внимание советской пропаганде, которую он считал успешной, особенно во время Гражданской войны и в 1920-е годы, потому что у большевиков, по его словам, «было горячее желание убедить своих сограждан в том, что новый порядок установит лучший, новый мир социальной справедливости» [Kenez 1985: ix].

Пропаганда среди военнопленных началась еще в 1915 г. [Krammer 1983]. Ее успеху способствовала помощь со стороны представителей западно- и восточноевропейских социалистических и «левых» партий, которые, оказавшись в плену, стали проводить разъяснительную работу[39]. Одним из результатов событий 1917 г. на фоне девальвации рубля и общего экономического кризиса стало резкое ухудшение условий содержания и обеспечения продовольствием военнопленных, поэтому большевистская пропаганда с ее требованиями немедленного прекращения войны (что предполагало для пленных возвращение домой) и призывами к устранению социального неравенства находила своих слушателей. Кроме того, к участию в отрядах красногвардейцев военнопленных привлекал и высокий заработок. Важным моментом стало решение об упрощенной процедуре принятия советского гражданства[40].

С конца 1916 г. революционные группы возникли во многих лагерях Урала и Сибири; стали выходить газеты, на страницах которых большевики и социалисты излагали свои взгляды[41]. В 1917 г. по инициативе С. Тайхнера в Краснореченском лагере появилась подпольная ячейка, в которую вошли Янош Мунтьян, Ференц Гаал, Агоштон Гольдфингер, Иштван Са-

[39] В их числе были член Трансильванского комитета Венгерской социал-демократической партии Бела Кун, сотрудник редакции центрального органа той же партии газеты «Непсава» («Голос народа») Тибор Самуэли, венгерский профсоюзный деятель Иозеф Рабинович, а также представители Социал-демократической партии Австрии Макс Юнг, Стефан Зингер, Иосиф Грюн; германские социал-демократы Гуго Кольгоф и Эрих Штер (до войны они учились в берлинской партийной школе у Розы Люксембург и Франца Меринга), член Социал-демократической партии Хорватии Иосип Броз (по прозвищу Тито) и мн. др.

[40] Этой возможностью воспользовались многие военнопленные, в том числе Мате Залка и Акош Надь, став, соответственно, Матвеем Залкой и Алексеем Наги.

[41] Газету «Форрадалом» («Революция») издавала омская организация интернационалистов под руководством Кароя Лигети; в Томске выходила газета «Непсава» («Голос народа») на венгерском, «Дер Пролетариер» («Пролетарий») на немецком, «Комуниста» («Коммунист») на чешском [Бобров 1990]. В Иркутске Ярослав Гашек входил в редакцию сразу трех газет; две издавались на чешском, а третья — на монгольском языке.

лаи, Ференц Киш. Именно там Мате Залка, Роберт Орошди и Акош Надь познакомились с марксизмом[42].

В начале декабря 1917 г. «Правда», а затем «Известия» объявили всех военнопленных «свободными гражданами», призывая их поддержать социалистическую революцию. Задача созданной в Москве Центральной Федерации иностранных групп заключалась, помимо агитации в Красную гвардию (позже в Красную армию), в пропаганде и обучении военнопленных для проведения революции в Западной Европе. Поэтому, как подчеркивает Марк Корнуолл, у австрийских властей были основания беспокоиться о влиянии с востока; они справедливо видели «опасные параллели в крамольных социалистических листовках, которые циркулировали в Будапеште» [Cornwall 2000: 258].

Гражданская война

В марте 1918 г. западные газеты опубликовали слова посла Японии в Италии о том, что немецкие военнопленные вооружены и готовы захватить Сибирскую железную дорогу[43]. Угроза была явно преувеличена, но ее использовали для поддержки идеи иностранного вмешательства в дела Советской республики[44]. Обеспокоенность союзников, связанная с потенциальной возможностью участия немецких военнопленных в военных действиях, также проявилась в их отношении к ситуации вокруг Чехословацкого корпуса[45].

15 января 1918 г. филиал Чехословацкого национального совета в России провозгласил корпус составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции [Fic 1958][46]. В настоящее время преобладает точка зрения, что участие чехословацких войск в военных действиях на стороне Белой армии было результатом стечения разного рода

[42] Летом 1918 г., после захвата Красноярска Белой армией, Мате Залка был арестован. По его воспоминаниям, он скрыл свое настоящее имя и был снова отправлен в лагерь для военнопленных, откуда ему удалось бежать. Он организовал отряд из пленных венгров, который в составе партизанской армии Кравченко и Щетинкина вступил в Красноярск, где был зачислен в 1-й Интернациональный полк дивизии имени III Интернационала. Весной 1920 г. Залка участвовал в охране «золотого эшелона» при его доставке в Казань. По завершении операции награжден орденом Красного Знамени и почетным именным оружием.

[43] Посол основывался на информации японского военного министра, полученной на основе разведданных [Bisher 2005: 57].

[44] Еще одним поводом для интервенции на Дальнем Востоке, в частности, для американских властей, стали слухи о возможной передаче военного арсенала во Владивостоке в Германию [Kennan 1989: 61].

[45] Формирование чехословацкого добровольного военного подразделения началось в 1914 г. из числа проживающих на территории России чехов и словаков; позже было получено разрешение рекрутировать добровольцев из числа военнопленных. Победа над немецкими войсками у Зборова в июне 1917 г. способствовала росту численности Чешской дружины, и уже в конце года был сформирован отдельный корпус в составе двух дивизий и запасной бригады численностью почти 40 тыс. человек [Манусевич 1987; Левчук 1996; Rees 1992].

[46] Данный эпизод важен для нашего исследования еще и потому, что чешские, словацкие и венгерские представители «потерянного поколения» были соотечественниками и военнослужащими австро-венгерской армии, что делает возможным их личное знакомство до начала конфликта. Кроме того, многие участники «чехословацкого мятежа» принадлежат к «потерянному поколению», в том числе Радола Гайда (Рудольф Гейдл, 1892–1948), командующий частью корпуса на участке от Новосибирска до Иркутска.

обстоятельств, среди которых немаловажную роль сыграли просчеты советского руководства [Валиахметов 2012a; 2012b].

Срыв переговоров в Брест-Литовске позволил немецким войска оккупировать Западную Украину. Отступая от Киева, чехословацкий корпус в ряде боев действовал совместно с австро-венгерскими интернационалистами[47]. К этому времени в Москве была достигнута договоренность о транспортировке формирования с минимальным вооружением по Транссибирской железной дороге до Владивостока. По мнению М. Фица, ситуация изменилась под влиянием чешских коммунистов, которые убедили Л. Д. Троцкого, что 45% чехословаков готовы вступить в Красную гвардию [Fic 1978: 10–17][48]. Таким образом, возникла двойственная ситуация: с одной стороны, первые эшелоны, прошедшие в апреле 1918 г. по Сибирской железной дороге, приветствовались большевиками и местным населением как союзники, с другой стороны, после приказа замедлить продвижение чешских эшелонов и требования их полного разоружения отношения между чехословаками и советским правительством стали резко ухудшаться.

21 апреля 1918 г. Революционный Военный Совет Республики издал приказ о строгом соблюдении статьи второй Брест-Литовского мирного договора в отношении иностранных военнопленных. Через два дня была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, а вскоре началась репатриация военнопленных. Однако еще до начала репатриации многие военнопленные вошли в местные отряды Красной гвардии[49]. В ноябре 1917 — январе 1918 г. появились отряды интернационалистов на Урале и в Сибири[50].

---

[47] Корпус также сопровождали небольшие отряды бывших военнопленных, которые решили сменить стороны: румыны из венгерской части Австро-Венгерской монархии и итальянцы из Трентино, Истрии и Фиуме.

[48] Переговоры проходили в Москве 15–16 марта 1918 г.; Троцкий приехал в Москву 17 марта. В качестве только что назначенного наркома по военным делам он принял участие в дальнейшем обсуждении ситуации. Уже 20 марта выявились разногласия между Лениным и Троцким по этому вопросу: Троцкий настаивал на задержании корпуса и даже отдал соответствующие распоряжения. Истинная причина стала ясна на следующий день, когда Троцкий представил план создания современной армии численностью полмиллиона человек [Fic 1978: 14].

[49] Красная гвардия стала создаваться в марте 1917 г., но до октябрьского восстания находилась на нелегальном положении. В Петрограде ее формирование усилилось в связи с угрозой наступления немцев и Корниловского мятежа. Под руководством Военно-революционного комитета (ВРК) красногвардейские отряды были организованы и в регионах. Первыми стали финский отряд Красной гвардии в Петрограде, польский революционный батальон в составе стрелкового полка в Минске, два румынских революционных батальона в Одессе.

[50] В Сибири были сформированы 1-й и 2-й Омский международный партизанский отряд, Интернациональный батальон им. Карла Маркса в Новониколаевске, 1-й Томский красногвардейский отряд интернационалистов, Читинский интернациональный отряд. Подобные отряды были в Красноярске, Иркутске, Сретенске, Тюмени, Березовке, Барнауле, Мариинске, Ачинске, Нижнеудинске, Семипалатинске; на Урале они действовали в Оренбурге, Екатеринбурге, Златоусте, Ирбите, а также в других городах. Существуют разные точки зрения на роль интернационалистов в Гражданской войне, в том числе и такие, которые предлагают не преувеличивать эту роль, при этом отмечается, что военнопленные воевали на стороне как красных, так и белых [Иконникова 2004]. К сожалению, исследования по данной теме в основном представлены работами советского периода (в том числе вен-

23 мая был создан Временный исполнительный комитет чехословацких войск, который отдал приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться; продвижение на восток продолжать собственным порядком» [Цветков 2001: 59]. Следуя этой директиве и с целью обеспечения беспрепятственного продвижения по железной дороге военные действия начались почти одновременно в Челябинске, Новониколаевске, Мариинске и Нижнеудинске; 27 мая был взят Челябинск. Р. Гайда, взявший на себя руководство восстанием в Новониколаевске, приказывает «по возможности сейчас же наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную армию, оперирующую против Семенова» [Гергилева, Гергилев 2015: 111].

Реакцией на известия о выступлении чехословаков стало решение Красноярского губисполкома об использовании против них бойцов-интернационалистов в Мариинске и Канске [Там же: 112]. Ожесточенные бои в мае-июне закончились тем, что вся Транссибирская магистраль оказалась под контролем чехов. Слухи о жестоком обращении «белочехов» с бывшими австро-венгерскими военнопленными быстро распространялись по мере продвижения корпуса вглубь Сибири. Так, в справке Венгерского отдела агитпропаганды при Алтайском губкоме сообщалось:

> В Алтайском крае во время Российской социалистической революции в 1917–1921 гг. были казнены контрреволюционными бандами следующие венгерские товарищи: 22 января 1919 г. белочехи в лесу неподалеку от Бийска расстреляли Михая Немета, Дьюла Якоборича, Йожефа Тота, Яноша Луппера, Хенриха Унгриха, Яноша Лакатоша. ‹…› 10 июня красноармеец Дьердь Н. из бывшего 23-го гонведского пехотного полка был расстрелян рядом со зданием казармы Красной Армии в Барнауле. 12 июня та же участь постигла Йожефа Ковача, музыканта. На другой день были казнены 60 венгров на городском кладбище [Ходак и др. 1968: 270][51].

Временное сибирское правительство, созданное в мае-июле 1918 г., не только продолжило царскую политику в отношении военнопленных, но и ввело более суровые меры, особенно для немецких и австро-венгерских военнопленных, которые считались сторонниками большевиков. Они должны были быть отделены от военнопленных других национальностей и содержаться в лагерях вне населенных пунктов. С этой целью были организованы специальные лагеря для чехов, словаков и русинов в Омске и Иркутске, для поляков в Новониколаевске, для южных славян и итальянцев в Томске, для румын в Петропавловске, для украинцев в Славгороде. В Тобольске и Таре были созданы отдельные лагеря для офицеров. Инвалиды были отправлены в Павлодар, Семипалатинск, Барнаул и Бийск [Талапин 2013: 83].

герских историков), которые требуют критического переосмысления и уточнения фактического материала. В то же время практически нет работ, посвященных участию иностранных военнопленных в Белой армии, хотя материалы российских архивов предоставляют такую возможность.

[51] В документе также сообщалось, что двое из этой группы были отпущены, так как один из «белочехов» знал их лично.

Военнопленных заключали в тюрьму за «свободное хождение по городу», не связанное с их службой в тех или иных учреждениях, за неимение на левом рукаве белой повязки с буквами «В. П.», за неуставное приветствие «при встрече с военнослужащими Сибирской армии и чехословаками», за участие в «каких бы то ни было профессиональных союзах и организациях» [Гергилева, Гергилев 2015: 112]. Они освобождались от любых работ на частных предприятиях, кроме государственных; зарплата была ограничена 25% от местной заработной платы, и заключенный мог получить только один рубль наличными [Талапин 2013]. Все военнопленные, которые ранее числились в Красной армии, были арестованы.

С приходом к власти генерала Колчака ситуация только ухудшилась[52]. Он не доверял даже своим славянским союзникам, и те чехи и словаки, которые отказались вступить в Чешский легион (или оставили его по разным причинам), были отправлены в отдельные лагеря в Омске и Иркутске. Все попытки побегов или восстаний были сурово наказаны[53].

В центре внимания советской историографии были прежде всего вопросы «пролетарского интернационализма» и привлекательности революционных идей для военнопленных. Не умаляя роли большевистской пропаганды, стоит учитывать и другие факторы, в частности, противоречия между представителями разных национальностей империи Габсбургов, особенно в связи с продвижением Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали и участием его в боевых действиях на стороне Белой армии. Как справедливо отмечают А. И. и Д. Н. Гергилевы, «ставка в использовании интернациональной силы была сделана на национальную неприязнь между венграми, австрийцами, немцами, с одной стороны, и чехословаками — с другой» [Гергилева, Гергилев 2015: 109]. Показательно в этом отношении одно из заявлений о вступлении в дружину, где особо подчеркивалось:

> ...Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам. Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т. п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль [Суржикова 2009: 170].

[52] 5 ноября 1918 г. А. В. Колчак был назначен военным и морским министром Временного Всероссийского Правительства, которое было создано при активном участии социал-революционеров (эсеров). Недовольство правительством вылилось в переворот 18 ноября, когда Совет министров выступил против Директории, тем самым поддержав идею передачи власти одному лицу. Согласно «Положению о временном устройстве государственной власти в России» был установлен порядок взаимоотношений Верховного правителя и Совета министров. Генерал Колчак был избран на должность Верховного правителя.

[53] В 1918–1919 гг. в лагерях Томска, Омска, Красноярска и Хабаровска произошло несколько восстаний. Массовые расстрелы венгерских военнопленных имели место в Тюмени, когда те присоединились к восстанию против мобилизации в Белой армии; в Омске — за попытку массового побега из концентрационного лагеря; в Красноярске — за то, что они присоединились к восстанию русского гарнизона [Талапин 2013].

Ситуация на Дальнем Востоке, где Гражданская война продолжалась с апреля 1918 по октябрь 1922 г., имела свои особенности. Революционные события в центре России были поддержаны на местах, в том числе во Владивостоке, который имел особое значение для союзников. За время войны в нем скопилось значительное количество оружия и военного снаряжения, поставлявшегося на европейский фронт через Транссиб, поэтому уже в январе 1918 г. в залив Золотой Рог вошло несколько кораблей союзников, которые весной и летом пресекли несколько попыток вывоза большевиками оружия: по слухам, его использовали для вооружения австро-венгерских и немецких интернационалистов.

Газета «Вестник Временного правительства Автономной Сибири», издававшаяся во Владивостоке, писала в июле 1918 г.:

> Сибири угрожает смертельная опасность быть раздавленной с Урала и Востока большевистско-германо-мадьярскими отрядами. ‹…› Правительство Автономной Сибири спешно организует большие военные силы для очищения Дальнего Востока от большевиков и подачи энергичной помощи Сибири, бьющейся в судорогах неравной борьбы с полчищами военнопленных [Дербер и др. 1918].

29 июня командующий чехословацкими войсками во Владивостоке русский генерал-майор М. К. Дитерихс в ультимативной форме потребовал немедленного разоружения у местного Совета. После взятия Владивостока чешские войска продолжили наступление и 5 июля взяли Уссурийск. Это стало поводом для совместной интервенции союзников.

5 сентября 1918 г. был оставлен Хабаровск. Вместе с иностранными войсками в город вошел казачий отряд атамана Калмыкова, и буквально сразу начались репрессии в отношении большевиков и сочувствующих им жителей. Также были ужесточены правила содержания военнопленных, ухудшились условия проживания и питание (о посылках и денежных пособиях давно было забыто), более того, возникла реальная угроза их жизни.

Показательна в этом отношении история расстрела в сентябре 1918 г. 16 музыкантов — австро-венгерских военнопленных[54]. О жестокости и самоуправстве Калмыкова свидетельствует и факт расправы над иностранными представителями Красного Креста[55].

Те из военнопленных, кто стали красногвардейцами до прихода белогвардейцев и иностранных экспедиционных войск, присоединились к партизанам[56].

---

[54] Оркестр был организован в декабре 1915 г. и до своей гибели в сентябре 1918 г. играл в кофейне «Чашка чая». Он пользовался популярностью и в других аудиториях, играл на благотворительных концертах. Основное обвинение музыкантов было связано с их симпатиями к большевикам, кроме того, при обыске было найдено оружие [Иконникова 2004: 72–74].

[55] После ареста Калмыкова в Китае в 1920 г. он был обвинен в присвоении 56 пудов золота, а также в убийстве представителей Красного Креста — шведа Свена Хедблома и норвежца Оле Опшауга — близ станции Пограничная в сентябре 1918 г. [Савченко 1999]. Об этом случае упоминает А. В. Колчак [Квакин 2007: 411].

[56] О дальнейшем участии бывших военнопленных в партизанском движении см.: [Авдеева и др. 1980].

Среди них был Мате Залка и, возможно, Акош Надь[57]. Часть интернационалистов рассеялась по таежным районам Амурской области, стараясь в одиночку или группами спастись от карателей, устраиваясь наемными рабочими или батраками; кто-то вернулся в лагеря. К началу 1919 г. там числилось около 5 тысяч человек [Иконникова 2004: 70]. В конце 1919 г. в Хабаровском лагере вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. Над всеми военнопленными нависла угроза расправы. Помощь пришла неожиданно — со стороны американских оккупационных войск, которые в один день погрузили военнопленных во Владивостоке на пароход, отправлявшийся в Европу[58].

После восстановления советской власти в регионе военнопленные рассчитывали на возвращение домой, а те, кто решил остаться в России, планировали начать новую жизнь. Однако даже для тех, кто сражался в рядах Красной армии, процесс возвращения оказался не столь быстрым[59].

Количество пленных, оставшихся в Советской России во время и после Гражданской войны, неизвестно; обычно они входили в расчет потерь или пропавших без вести. Большинство из них изменили свои имена после принятия советского гражданства, обзавелись семьями и даже пережили сталинские чистки, когда были казнены многие венгерские коммунисты, в том числе Акош Надь. Еще в ходе Гражданской войны многие бывшие военнопленные оказались в Москве, где приняли активное участие в деятельности советских и международных организаций, включая Коминтерн, венгры составили в нем вторую по численности (после немецких коммунистов) группу. Советское руководство возлагало на них особую надежду в деле «мировой революции», особенно в Венгрии и Германии. Когда этот проект потерпел неудачу, они бежали в Москву, чтобы вернуться на родину в 1944 г. вместе с наступавшей Советской армией.

---

[57] Существует несколько версий относительно дальнейших перемещений Мате Залки, который в это время был известен еще и как Ласло Кемень. По одним данным, Залка участвует в партизанских операциях, по другим, под именем Кеменя отправляется вместе с Робертом Орошди в Европу; их высаживают с корабля в Шанхае из-за угрозы расправы за «симпатии к большевикам». Оттуда через Китай и Ближний Восток Орошди добирается до Фиуме (который к этому времени стал итальянским городом), но вскоре переезжает сначала в Триест, а затем в Милан. След его солагерника теряется. Джузеппе Цампалия предлагает другую версию, согласно которой и Орошди, и Залка присоединяются к интернациональным отрядам еще в 1918 г. Позже Залку направляют в Турцию, а Орошди — в Италию для связи с итальянскими коммунистами [Ciampaglia 2010]. Все версии, к сожалению, недостаточно подкреплены документами, поэтому их можно рассматривать только как гипотетические. См.: [Залка 1987].

[58] Эта история заслуживает отдельной статьи. Некоторые детали см. в [Unterberger 1956; Smith 2002; Хитрый 2012].

[59] Подробнее о процессе репатриации см.: [Талапин 2013]. В феврале 1920 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центрпленбеж) издала документ, согласно которому все красноармейцы получали на общих основания «билет военнопленного». Часть военнопленных, ранее вступивших в партию большевиков, в ожидании репатриации решила выйти из нее. Однако оказалось, что это решение для многих отодвинуло сроки репатриации.

Коллективный опыт и идентичность

Современное понятие идентичности отражает социально-культурный опыт как индивидуального, так и коллективного способа существования и признания (recognition) [Taylor 1994]. Коллективная идентичность формируется через понимание принадлежности к социальной или политической группе — семье (первичная социализация), группе друзей, студенческому или профессиональному коллективу, партийной группе, нации (вторичная социализация) под влиянием культурных, политических и идеологических норм и мифологий. Напротив, личная идентичность предполагает отрыв, отказ от коллективной идентичности через развитие самосознания, когда решающая роль отводится свободному личному выбору.

Травматический опыт войны и плена был окрашен эмоционально, в нем преобладали такие чувства, как страх, тревога, неуверенность, унижение, отчаяние, уязвленное самолюбие, которое могло формироваться особенно у представителей молодого поколения. Принадлежность к социально депривированной группе, какой являлись военнопленные, способствовало формированию искаженного представления о себе, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на дальнейшее поведение как в плену, так и после освобождения и возвращения на родину. Последствия долговременного воздействия подобных эмоций нашли выражение в особом виде апатии. Для понимания механизмов преодоления последствий травмы необходимы дальнейшие исследования не только войны и плена, но и процесса реинтеграции в общество[60].

В условиях плена возможности личного выбора и формирования индивидуальной идентичности были ограничены рамками межличностных отношений в лагере, которые далеко не всегда можно описывать в терминах «лагерного братства». Напротив, за годы плена складывались различные линии размежевания, возникали как бытовые, так и национальные и политические конфликты. Кроме того, стремление выжить диктовало свои формы восприятия и понимания окружающей действительности, которые варьировались от пассивного приспособления до скрытого или даже открытого сопротивления [Бондаренко 2012].

Возвращение

В 1930–1931 гг. Э. М. Ремарк пишет роман «Возвращение» («Der Weg zurück»), в нем он рассказывает о возвращении молодых солдат после Первой мировой, которые пытаются как-то жить, остро ощущая всю бессмысленность и жестокость жизни. Эпиграфом к роману стали строки:

Солдаты, возвращенные отчизне,
Хотят найти дорогу к новой жизни.

[60] Анализ деятельности ветеранов Первой мировой войны в межвоенный период привел к выводу о неоднозначности связи между деятельностью ветеранских организаций и подъемом национал-социализма, как это предполагалось ранее; по мнению К. Меннена, на этот подъем гораздо большее воздействие оказал процесс «мифологизации» образа войны и самих ветеранов войны [Mennen 2017].

Ремарк предрекает печальную судьбу «потерянному поколению», он говорит о тех 20-летних, что не знают другой жизни, кроме отчаяния, смерти и страха, и все их знания о жизни ограничены смертью и единственное, что они умеют делать, это убивать. От их имени в романе «Три товарища» он пишет:

> Мы хотели было воевать против всего, всего, что определило наше прошлое, — против лжи и себялюбия, корысти и бессердечия; мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля; но что же из этого получилось? Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета [Ремарк 1993: 54].

Судьбы возвращающихся с войны сложились по-разному; тем не менее с окончанием войны практически перед каждым стал вопрос о дальнейшем жизненном пути. Многие, уйдя на войну гражданами Австро-Венгрии, возвращались в неизвестную им страну. Не имея опыта студенческой жизни и, соответственно, опыта профессиональной деятельности, которую им заменила война, они должны были снова принимать решение о своей дальнейшей профессии; немногие из них остались верны своим юношеским увлечениям. Поэтому их ресоциализация в послевоенный период отмечена не просто опытом возвращения, выбором страны проживания и связанными с этими проблемами адаптацией и коммуникацией (в аспекте языка, культуры, традиций), но также выбором профессии в новых, послевоенных условиях. Это наложило отпечаток на их политическую ресоциализацию на родине и/или в новых принимающих странах. Как отмечал И. Волдьеш, многие отложили окончательное решение до возвращения домой, присоединившись, в частности, к коммунистическому движению накануне Венгерской революции [Volgyes 1973]. Помимо коллективного опыта войны, который уже после Второй мировой стал известен также как «военный синдром», многие получили опыт политической социализации «левого» направления. Еще находясь на территории Российской империи, они оказались объектами большевистской пропаганды, войдя в отряды интернационалистов или участвуя в деятельности новой Советской республики, как это было в случае Акоша Надя, который в 1920-е годы стал сотрудником редакции газеты «Красное знамя» во Владивостоке [Наги 2001].

Примерно в этот же период, в 1918–1919 гг. Лео Силард, Карл Силард, Ласло Надь и Йозеф Рот, захваченные событиями венгерской революции, принимают участие в мероприятиях новой власти[61]. Революция потерпела поражение; на смену «красному террору» пришел «белый террор», который носил ярко выраженный антисемитский характер [Lazaroms 2014].

[61] Лео Силард организовал Венгерскую ассоциацию социалистических студентов, цель которой заключалась в консультативной помощи по вопросам экономики и политики. Брошюра по вопросам налогов и денежной реформы, которая распространялась от имени ассоциации, была по большей части написана Силардом.

Большинство участников, избежавших немедленных репрессий, сначала уехали в Вену, а оттуда в другие страны, многие — в Москву. Лео Силард и Ласло Мохой-Надь выбрали Берлин [Frank 2009]. Среди тех, кто покинул Венгрию в последующие годы, были и другие представители «потерянного поколения»: Карл Манхейм, Майкл Полани, Майкл Кертис, Бела Балаж, Карл Силлард, Эрвин Бауэр. Так, в начале 1920-х годов в Вене, Париже, Берлине и Москве появилось несколько транснациональных групп, объединенных опытом войны и революций. Пути их время от времени пересекались. Бывший австро-венгерский военнопленный Роберт Орошди стал итальянским коммунистом, но из-за угрозы преследований был вынужден эмигрировать в Советскую Россию, где, впрочем, ему пришлось провести долгие годы в «шарашке» вместе с Карлом Силлардом [Озеров 1973]. Часто члены семей были разделены не только национальными, но и идеологическими границами, как это было в случае братьев Надь: Ено остался в Венгрии, Ласло сначала перебрался в Берлин, участвовал в художественном движении Баухаус, в середине 1930-х эмигрировал в США, поселившись в Чикаго, где основал Чикагскую школу искусств. Третий брат, Акош, или Алексей Львович Наги, остался в Советской России, где стал главой советского информационного агентства (ТАСС) в Токио.

Список венгерских представителей «потерянного поколения»[62]

Вайс Ласло (Weisz László; 20 июля 1895, Боч-Боршод, Австро-Венгрия — 1946, Чикаго, США) — Ласло Надь — Ласло Мохой-Надь (László Moholy-Nagy).

Вайс Акош (Weisz Akos; 1897, Боч-Боршод, Австро-Венгрия — 1938, Москва, СССР) — Акош Надь; в СССР — Алексей Львович Наги.

Орошди Рауль Мария (Orosdy Raoul Maria; 1897, Будапешт, Австро-Венгрия — 3 августа 1916, Нередьхаза, Австро-Венгрия).

Манхейм Карой (Manheim Karoly; 27 марта 1893, Будапешт, Австро-Венгрия — 9 января 1947, Лондон, Великобритания) — Карл Манхейм (Karl Mannheim).

Рот Йозеф Моше (Roth Iosef Moses; 2 сентября 1894, Броды, Австро-Венгрия — 1937, Вена, Австрия) — Йозеф Рот (Joseph Roth).

Ферлих Роберт Фридьеш (Ferlich Robert Frigyes; 14 мая 1897, Надьканижа, Австро-Венгрия — 1974, Москва, СССР) — Роберт Орошди (Orosdy Robert) (с 1906); в СССР — Роберт Людвигович Бартини.

Франкл Бела (Frankl Béla; 23 апреля 1896, Матолч, Австро-Венгрия — 11 июня 1937, Уэска, Испания) — Ласло Кемень — Мате Залка (Máté Zalka) — «генерал Лукач»; в СССР — Матвей Михайлович Залка.

Шпиц Лео (Spitz Leó; 11 февраля 1898, Будапешт, Австро-Венгрия — 30 мая 1964, Ла Йола, Калифорния, США) — Лео Силард (Szilárd Leó) (с 1903).

[62] Данный список не является окончательным; по мере развития проекта он пополнится новыми именами, среди которых, в частности, историк Ено Леваи (1892–1983), писатель Йожеф Лендьел (1896–1974), ученый Эрвин Бауэр (1890–1938) и др.

Литература

Авдеева и др. 1980 — *Авдеева Н. А., Крушанов А. И., Мухачев Б. И., Шиндялов Н. А*. Венгерские интернационалисты борются за Советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: К истории советско-венгерских интернациональных связей / [Отв. ред. А. П. Окладников, П.-Ж. Пах]. М.: Наука, 1980. С. 76–90.

Асташов 2002 — *Асташов А. Б.* Война как культурный шок. Анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник: 2002 / Отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 268–281.

Бобров 1990 — *Бобров М.* «Мы говорим правду...»: В. И. Ленин и печать зарубежных интернационалистов. Л.: Лениздат, 1990.

Бондаренко 2012 — *Бондаренко Е. Ю*. Иностранные военнопленные Первой и Второй мировых войн на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 43–47.

Валиахметов 2012a — *Валиахметов А. Н.* Новейшая отечественная историография о чехословацком легионе в России // Грамота. 2012. № 1. Ч. 2. С. 45–48.

Валиахметов 2012b — *Валиахметов А. Н.* Выступление Чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 207–210.

Васильева 1999 — *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учебное пособие к спецкурсу. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999.

Гергилева, Гергилев 2015 — *Гергилева А. И., Гергилев Д. Н.* Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период гражданской войны на территории Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 390. 2015. С. 109–116.

Греков 1997 — *Греков Н. В*. Германские и австрийские пленные в Сибири // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 1997. С. 154–180.

Двингер 2004 — *Двингер Э. Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России. 1915–1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Дербер и др. 1918 — *Дербер П. и др.* От Временного Правительства Автономной Сибири // Вестник Временного Правительства Автономной Сибири. 1918. 2 июля. С. 1.

Залка 1983 — *Залка М*. Добердо // Залка М. Избранное / Сост. Н. Залки. М.: Худ. лит., 1983. Цит. по электрон. версии. URL: militera.lib.ru/prose/foreign/zalka_m1/index.html.

Залка 1987 — *Залка Н*. Человек из Матольча: повесть-хроника о жизни Матэ Залки. М.: Сов. писатель, 1987.

Заславская 2015 — *Заславская О. В.* От Фиуме до Красной речки: по следам одного мифа // Право на имя. Биографика XX века: Тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. 20–22 апреля 2015: Сб. докладов. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2016. С. 45–59.

Иконникова 1999 — *Иконникова Т. Я*. Военнопленные Первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918 гг.) // Россия и АТР. 1999. № 1. С. 90–94.

Иконникова 2004 — *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004.

Квакин 2007 — Окрест Колчака: Документы и материалы / Сост. А. В. Квакин. М.: Аграф, 2007.

Кондратьев, Щербинин 2009 — *Кондратьев А. В., Щербинин П. П.* Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–

1918 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 354–357.

Левчук 1996 — *Левчук А. П.* Еще раз о «проданном корпусе»: К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа // Из истории революций в России: первая четверть XX в.: Материалы Всерос. симпозиума, посвящ. памяти … И. М. Разгона / Отв. ред. Л. И. Боженко. Вып. 2. Томск: ТГУ, 1996. С. 3–12.

Ленин 1974a — *Ленин В. И.* Выступление на заседании ЦК РСДРП (б) 19 января (1 февраля 1918 г.) Протокольная запись // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 318–320.

Ленин 1974b — *Ленин В. И.* Письма издалека [1917] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 11–22.

Манусевич 1987 — Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М.: Наука, 1987.

Наги 2001 — *Наги Э. А.* Дело отца: Документированный рассказ // Наги Э. Былое в памяти моей (Erinnerungen). Дюссельдорф: [б. и.], 2001. С. 221–255.

Озеров 1973 — *Озеров Г.* [*Кербер Л. Л.*]. Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.

Поэты и писатели 2014 — Поэты и писатели — воины Первой мировой войны // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Новомосковская библиотечная система». 2014. 25 июля. URL: http://www.nmosk-lib.ru/news/detail.php?ID=1182.

Ремарк 1993 — *Ремарк Э. М.* Три товарища. Пермь: РИЦ «КАПИК», 1993.

Ремарк 2016 — *Ремарк Э. М.* На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2016.

Савченко 1999 — *Савченко С. Н.* Арест и гибель атамана И. П. Калмыкова в Китае в 1920 г. // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность (тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 18–19 мая 1999 г.). Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 89–92.

Степун 1926 — *Степун Ф.* Из писем прапорщика артиллериста. Прага: Пламя, 1926.

Суржикова 2009 — *Суржикова Н. В.* Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 — первая половина 1917 г.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). Сер. История. Вып. 34. С. 167–172.

Суржикова 2011 — *Суржикова Н. В.* Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4. С. 53–63.

Суржикова 2014 — *Суржикова Н. В.* Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной аттрибуции // Идеи и Идеалы. Т. 2. № 3. 2014. С. 5–12.

Талапин 2009 — *Талапин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны в дореволюционном Кургане // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 20–22.

Талапин 2013 — *Талапин А. Н.* Военнопленные первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. №3 (69). С. 81–83.

Хитрый 2012 — *Хитрый В. Г.* Партизаны и американские интервенты в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920 гг.) // Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 140–147.

Ходак и др. 1968 — Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. Т. 2 / [Сост. А. А. Ходак и др.]. М.: Политиздат, 1968.

Цапко 2001 — *Цапко А.И.* К вопросу о бийском концентрационном лагере // Краеведческий вестник [Бийск]. № 11. 2001. С. 25–29.

Царёва 2012 — *Царёва Е. С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88.

Цветков 2001 — *Цветков В*. Мятеж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.

Шлейхер 2001 — *Шлейхер И. И*. Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Ч. 1 / Под ред. Е. Э. Казакова. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. С. 54–97.

Ashworth 1980 — *Ashworth T.* Trench warfare 1914–1918: The live and let live system. New York: Holmes & Meier, 1980.

Benjamin 1969 — *Benjamin W.* The storyteller // Illuminations / Ed. by H. Arendt. New York: Schocken, 1969. P. 83–110.

Bisher 2005 — *Bisher J.* White terror: Cossack warlords of the Trans-Siberian. London; New York: Routledge, 2005.

Böhker et al. 2014 — Legacies of violence. Eastern Europe's First World War / Ed. by J. Böhker, W. Borodziej, J. von Puttkamer. München: Oldenbourg Verlag, 2014.

Bucur 2009 — *Bucur M*. Heroes and victims: Remembering war in Twentieth-Century Romania. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2009.

Ciampaglia 2010 — *Ciampaglia G.* La vita e gli aerei di Roberto Bartini. Roma: I. B. N. Editore, 2010.

Cornwall 2000 — *Cornwall M.* The undermining of Austria-Hungary. The battle for hearts and minds. Basingstoke: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 2000.

Davies 2007 — *Davies Th. R.* The possibilities of transnational activism: The campaign for disarmament between the two world wars. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2007.

Davis 1993 — *Davis G. H.* National Red Cross Societies and prisoners of war in Russia, 1914-18 // Journal of Contemporary History. Vol. 28. No. 1. 1993. P. 31–52.

Deák 1991 — *Deák I.* Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg officer corps, 1848–1918. New York: Oxford Univ. Press, 1991.

Dolan 1996 — *Dolan M.* Modern lives: A cultural re-reading of "The Lost Generation". West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press, 1996.

Dowling 2008 — *Dowling T. C.* The Brusilov Offensive. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2008.

Eichenberg, Newman 2013 —The Great War and veterans' internationalism / Ed. by J. Eichenberg, J. P. Newman. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.

Ellis 1977 — *Ellis J.* Eye-deep in hell: Trench warfare in World War I. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1977.

Fenyo 1976 — *Fenyo M. D*. Writers in politics: The role of Nyugat in Hungary, 1908–19 // Journal of Contemporary History. Vol. 11. No. 1. 1976. P. 185–198.

Fenyo 1987 — *Fenyo M. D*. Literature and political change: Budapest, 1908–1918. Philadelphia: American Philosophical Society, 1987 (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 77. No. 6).

Fic 1978 — *Fic V. M.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The origin of their armed conflict, March–May 1918. New Delhi: Abhinav Publications, 1978.

Frank 2005 — *Frank T.* Ever ready to go: The multiple exiles of Leo Szilard // Physics in Perspective. Vol. 7. No. 2. 2005. P. 204–252.

Frank 2009 — *Frank T.* Double exile: Migrations of Jewish-Hungarian professionals through Germany to the United States, 1919–1945. Oxford: Peter Lang, 2009 (Exile Studies; Vol. 7).

Frevert 2005 — *Frevert U*. Europeanizing German history // Bulletin of the German Historical Institute. No. 36. 2005. P. 9–31.

Gatrell 2005 — *Gatrell P.* Prisoners of war on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 3. P. 557–566.

Glick Schiller et al. 1995 — *Glick Schiller N. , Basch L., Szanton Blanc C.* From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration // Anthropology Quarterly. Vol. 68. No. 1. 1995. P. 48–63.

Grauer 2014 — *Grauer R. D.* Why do soldiers give up? A self-preservation theory of surrender // Security Studies. Vol. 23. No. 3. 2014. P. 622–655.

Haumann 2002 — *Haumann H.* A history of East European Jews. Budapest; New York: Central European Univ. Press, 2002.

Hemingway 1926 — *Hemingway E.* The Sun also rises. New York: Scribner, 1926.

Herwig 1997 — *Herwig H. H.* The First World War: Germany and Austria-Hungary, 1914–1918. New York: Arnold, 1997.

Hirschfeld 2011 — *Hirschfeld G.* 'The spirit of 1914': A critical examination of war enthusiasm in German society // The legacies of two World Wars: European societies in the Twentieth Century / Ed. by L. Kettenacker, T. Riotte. New York: Berghahn Books, 2011. P. 29–41.

International Encyclopedia — International Encyclopedia of the First World War. URL: http://www.1914-1918-online.net.

Kafka 1972 — The diaries of Franz Kafka, 1910–1923 / Ed. by M. Brod. London: Penguin, 1972.

Kenez 1985 — *Kenez P.* The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1985.

Kennan 1989 — *Kennan G. F.* The decision to intervene. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989.

Kramer 2010 — *Kramer A.* Prisoners in the First World War // Prisoners in War / Ed. by S. Scheipers. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2010. P. 75–90.

Krammer 1983 — *Krammer A.* Soviet propaganda among German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russia, 1917–1922 // Essays on World War I: Origins and prisoners of war / Ed. by S. R. Williamson Jr., P. Pastor. New York: Brooklyn College Pr., 1983. P. 239–264.

Lanouette 2013 — *Lanouette W.* Genius in the shadows: A biography of Leo Szilard, the man behind the bomb. New York: Skyhorse Publishing, Inc., 2013.

Lanouette, Grufman 2012 — *Lanouette W., Grufman U*. Leo Szilard and the founding of Council for a Livable World // Council for a Livable World. 2012. May 4. URL: https://livableworld.org/leo-szilard-and-the-founding-of-council-for-a-livable-world.

Lazaroms 2014 — *Lazaroms I. J.* Marked by violence: Hungarian Jewish histories in the wake of the White Terror, 1919–1922 // Zutot: Perspectives on Jewish Culture. Vol. 11. No. 1. 2014. P. 39–48.

Leed 2000 — *Leed E.* Fateful memories: Industrialized war and traumatic neuroses // Journal of Contemporary History. Vol. 35. № 1. 2000. P. 85–100.

Leidinger, Moritz 2003 — *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920. Vienna: Böhlau, 2003.

Lein 2014 — *Lein R.* Between acceptance and refusal — Soldiers' attitudes towards war (Austria-Hungary) // International Encyclopedia of the First World War. 2014. October 8. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_austria-hungary.

Macdonald — *Macdonald S.* (n. d.). Transnational history: A review of past and present scholarship // Centre for Transnational History. URL: https://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/objectives/simon_macdonald_tns_review.

Mannheim 1971 — *Mannheim K.* The problem of generations // Mannheim K. Essays on the sociology of culture / Ed. by E. Mannheim, P. Kesckemeti. London: Routledge; Kegan Paul, 1971. P. 276–322.

Mennen 2017 — *Mennen K.* 'Milksops' and 'bemedalled old men': War veterans and the war youth generation in the Weimar Republic // Fascism. Vol. 6. No. 1. 2017. P. 13–41.

Monk 2010 — *Monk C.* Writing the lost generation: Expatriate autobiography and American Modernism. Iowa: Univ. of Iowa Press, 2010.

Nachtigal 2008 — *Nachtigal Reinhard.* The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // Immigrants & Minorities. Vol. 26. No. 1–2. 2008. P. 157–184.

Neiberg 2004 — *Neiberg M. S.* Warfare and society in Europe, 1898 to the present. New York; London: Routledge, 2004.

Pastor 1983 — *Pastor P.* Introduction // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War / Ed. by P. Pastor, G. A. Tunstall. New York: Columbia Univ. Press, 1983. P. 113–117.

Petrák 2000 — Petrák K. Magyarok a Szovjetunióban, 1922–1945. Budapest: Napvilág Kiadó, 2000.

Pinthus 1940 — *Pinthus K.* Life and death of Ernst Toller // Books Abroad. Vol. 14. No. 1. 1939 / 1940. P. 3–8.

Pullmann 2002 — *Pullmann F*. Hungarians in World War I // A millennium of Hungarian military history / Ed. by L. Veszprémy, B. K. Király. Boulder, Colo.: Social Science Monographs, 2002. P. 350–368.

Rachamimov 2000 — *Rachamimov A.* Imperial Loyalties and Private Concerns: Nation, Class, and State in the Correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia, 1916–1918 // Austrian History Yearbook. Vol. XXXI . P. 87–105.

Rachamimov 2002 — *Rachamimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. London: Bloomsbury Academic, 2002.

Rees 1992 — *Rees H. L.* The Czechs during World War I: The path to independence. Boulder: East European Monographs, 1992.

Rosenfeld 2001 — *Rosenfeld S.* Understanding Joseph Roth. Columbia, SC: Univ. of South Carolina Press, 2001.

Roth 2013 — *Roth J.* The emperor's tomb. London: Granta, 2013.

Saunier 2013 — *Saunier P.-Y.* Transnational history. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.

Smith 2002 — *Smith G. B.* Guarding the railroad, taming the Cossacks. The U. S. Army in Russia, 1918–1920 // Prologue Magazine. Vol. 34. No. 4. 2002. P. 294–305.

Strachan 2003 — *Strachan H.* The First World War. Vol. 1: To arms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Taylor 1994 — *Taylor Ch.* The politics of recognition // Multiculturalism: Examining the politics of recognition / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 25–53.

Tunstall 2010 — *Tunstall G. A.* Blood on the snow: The Carpathian Winter War of 1915. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2010.

Unterberger 1956 — *Unterberger B. M*. America's Siberian expedition, 1918–1920: A study of national policy. Durham, NC: Duke Univ. Press,1956.

Volgyes 1973 — *Volgyes I.* Hungarian prisoners of war in Russia 1916–1919 // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 14. № 1/2. 1973. P. 54–85.

Watson 2009 — *Watson A.* Enduring the Great War: Combat, morale and collapse in the German and British armies, 1914–1918. New York: Cambridge Univ. Press, 2009.

Weeks 2009 — *Weeks Th. R.* Vilnius in World War I, 1914–1920 // Über den Weltkrieg hinaus, Kriegserfahrungen in Ostmitteleuropa 1914–1921 / Hrsg J. Tauber. Lüneburg: Nordost-Institut, 2009. P. 34–57.

White 1992 — *White D. S.* Lost comrades: Socialists of the front generation 1918–1945. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1992.

Winter 2000a — *Winter J. M.* Shell-shock and the cultural history of the Great War // Journal of Contemporary History. Vol. 35. No. 1. 2000. P. 7–11.

Winter 2000b — *Winter J. M.* Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Wohl 1979 — *Wohl R.* The generation of 1914. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1979.

Wróbel — *Wróbel P. J.* Foreshadowing the Holocaust: The Wars of 1914–1921 and Anti-Jewish violence in Central and Eastern Europe // Legacies of violence. Eastern Europe's First World War / Ed. by J. Böhker, W. Borodziej, J. von Puttkamer. München: Oldenbourg Verlag, 2014. P. 169–2018.

Between war and revolution: The transnational context of the collective biography of Eastern Europe's "lost generation"

Zaslavskaya, Olga V.
PhD (Candidate of Science in Cultural Studies)
Director, International Alternative Culture Center
Hungary, 1026 Budapest, Yulia str., 7
Website: www.alternativeculture.org
E-mail: zaslavsk@gmail.com

Abstract. The study attempts to outline the perspectives of creating a collective biography of the Eastern European "lost generation". Based on the historical material of the events of 1914–1923, it aims at identifying some typological features in the biographies of its representatives that would help explain the existence (or absence) of a collective identity. The main attention is paid to the collective experience of the war by a group of young people of predominantly Jewish origin who came from the middle and upper social strata of the Hungarian part of the Habsburg empire. It analyzes their transnational experience during the war and captivity as a part of their secondary socialization and how it determined their reintegration. For many of them this process had started already in Soviet Russia when they joined the Red Army or remained in the country after Civil War. Their resocialization in the post-war period was marked by the experience of return, when they had to choose a country of residence and the associated problems of adaptation and communication (language, culture, traditions) as well as profession in new post-war conditions.

Keywords: First World War, "lost generation", transnational history, Austria-Hungary, captivity, October Revolution, Civil War

References

Ashworth, T. (1980). *Trench warfare 1914–1918: The live and let live system.* New York: Holmes & Meier.

Astashov, A. B. (2002). Voina kak kul'turnyi shok. Analiz psikhopatologicheskogo sostoianiia russkoi armii v Pervuiu mirovuiu voinu [War as culture shock. Analysis of the psychopathological state of the Russian army in the First World War]. In E. S. Seniavskaia (Ed.). *Voenno-*

istoricheskaia antropologiia. Ezhegodnik: 2002 [Military and historical anthropology: Annual: 2002], 268–281. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Avdeeva, N. A., Krushanov, A. I., Mukhachev, B. I., Shindialov, N. A. (1980). Vengerskie internatsionalisty boriutsia za Sovetskuiu vlast' na Dal'nem Vostoke [Hungarian internationalists fight for Soviet power in the Far East]. In A. P. Okladnikov, P.-Zh. Pakh (Eds.). *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1917–1922 gg.: K istorii sovetsko-vengerskikh internatsional'nykh sviazei* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East, 1917–1922], 76–90. Moscow: Nauka. (In Russian).

Benjamin, W. (1969). The storyteller. In H. Arendt (Ed.). *Illuminations*, 83–110. New York: Schocken.

Bisher, J. (2005). *White terror: Cossack warlords of the Trans-Siberian.* London; New York: Routledge.

Bobrov, M. (1990). *"My govorim pravdu...": V. I. Lenin i pechat' zarubezhnykh internatsionalistov* ["We tell the truth...": V. I. Lenin and the press of the foreign internationalists]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian).

Böhker, J., Borodziej, W., Puttkamer, J. von. (Eds.) (2014). *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War*. München: Oldenbourg Verlag.

Bondarenko, E. Iu. (2012). Inostrannye voennoplennye Pervoi i Vtoroi mirovykh voin na Dal'nem Vostoke Rossii [Foreign prisoners of war of the First and the Second World Wars in the Russian Far East]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East]*, 2012*(1(17)), 43–47. (In Russian).

Bucur, M. (2009). *Heroes and victims: Remembering war in Twentieth-Century Romania.* Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press.

Ciampaglia, G. (2010). *La vita e gli aerei di Roberto Bartini.* Roma: I. B. N. Editore. (In Italian).

Cornwall, M. (2000). *The undermining of Austria-Hungary. The battle for hearts and minds.* Basingstoke: Macmillan; New York: St. Martin's Press.

Davies, T. R. (2007). *The possibilities of transnational activism: The campaign for disarmament between the two world wars*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff.

Davis, G. H. (1993). National Red Cross Societies and prisoners of war in Russia, 1914–18. *Journal of Contemporary History, 28*(1), 31–52.

Deák, I. (1991). *Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg officer corps, 1848–1918.* New York: Oxford Univ. Press.

Derber, P. et al. (1918, July 2). Ot Vremennogo Pravitel'stva Avtonomnoi Sibiri [From the Provisional Government of Autonomous Siberia]. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Avtonomnoi Sibiri*. [Bulletin of the Provisional Government of Autonomous Siberia], 1. In Russian.

Dolan, M. (1996). *Modern lives: A cultural re-reading of "The Lost Generation"*. West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press.

Dowling, T. C. (2008). *The Brusilov Offensive.* Bloomington: Indiana Univ. Press.

Dvinger, E. E. (2004). *Armiia za koliuchei provolokoi. Dnevnik nemetskogo voennoplennogo v Rossii. 1915–1918* [Trans. from Dwinger, E. E. (1929). *Die Armee Hinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch*. Jena: Diederichs]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russian).

Eichenberg, J., Newman J. P. (Eds.). (2013). *The Great War and veterans' internationalism*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.

Ellis, J. (1977). *Eye-deep in hell: Trench warfare in World War I.* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

Fenyo, M. D. (1976). Writers in politics: The role of Nyugat in Hungary, 1908–19. *Journal of Contemporary History, 11*(1), 185–198.

Fenyo, M. D. (1987). *Literature and political change: Budapest, 1908–1918*. Philadelphia: American Philosophical Society (Transactions of the American Philosophical Society, Vol. 77, No. 6).

Fic, V. M. (1978). *The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The origin of their armed conflict, March–May 1918*. New Delhi: Abhinav Publications.

Frank, T. (2005). Ever ready to go: The multiple exiles of Leo Szilard. *Physics in Perspective, 7*(2), 204–252.

Frank, T. (2009). *Double exile: Migrations of Jewish-Hungarian professionals through Germany to the United States, 1919–1945*. Oxford: Peter Lang (Exile Studies, Vol. 7).

Frevert, U. (2005). Europeanizing German history. *Bulletin of the German Historical Institute, 36*, 9–31.

Gatrell, P. (2005). Prisoners of war on the Eastern Front during World War I. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 6*(3), 557–566.

Gergileva, A. I., Gergilev, D. N. (2015). Chekhoslovatskii korpus i voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v period grazhdanskoi voiny na territorii Sibiri [Czechoslovak Legion and prisoners of war of the First World War during the Civil War on the territory of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]*,390*, 109–116. (In Russian).

Glick Schiller, N. , Basch, L., Szanton Blanc, C. (1995). From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropology Quarterly, 68*(1), 48–63.

Grauer, R. D. (2014). Why do soldiers give up? A self-preservation theory of surrender. *Security Studies, 23*(3), 622–655.

Grekov, N. V. (1997). Germanskie i avstriiskie plennye v Sibiri (1914–1917) [German and Austrian prisoners of war in Siberia]. In P. P. Vibe (Ed.). *Nemtsy. Rossiia. Sibir': sbornik statei* [Germans. Russia. Siberia: Collection of articles], 154–180. Omsk: OGIK muzei. (In Russian).

Haumann, H. (2002). *A history of East European Jews.* Budapest; New York: Central European Univ. Press.

Hemingway, E. (1926). *The Sun also rises.* New York: Scribner.

Herwig, H. H. (1997). *The First World War: Germany and Austria-Hungary, 1914–1918.* New York: Arnold.

Hirschfeld, G. (2011). 'The spirit of 1914': A critical examination of war enthusiasm in German Society. In L. Kettenacker, T. Riotte (Eds.). *The legacies of two World Wars: European societies in the Twentieth Century*, 29–41. New York: Berghahn Books.

Ikonnikova, T. Ia. (1999). Voennoplennye Pervoi mirovoi na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1914–1918 gg.) [The First World War prisoners of war in the Russian Far East]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific]*, 1999*(1), 90–94. (In Russian).

Ikonnikova. T. Ia. (2004). *Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.)* [Prisoners of war in the Russian Far East]. Khabarovsk: Izdatel'stvo GOU VPO KhGPU. (In Russian).

International Encyclopedia of the First World War. Retrieved from http://www.1914-1918-online.net.

[Kafka, F.] (1972). *The diaries of Franz Kafka, 1910–1923.* M. Brod (Ed.). London: Penguin.

Kenez, P. (1985). *The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929.* Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.

Kennan, G. F. (1989). *The decision to intervene.* Princeton: Princeton Univ. Press.

Khitryi, V. G. (2012). Partizany i amerikanskie interventy v gody grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1920 gg.) [Partisans and American interventionists during the Civil War in Russia's Far East]. *Armiia i obshchestvo* [Army and society]*, 2012*(4(32)), 140–147. (In Russian).

Khodak, A. A. et al. (Eds.) (1968). *Vengerskie internatsionalisty v Oktiabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voine v SSSR: Sbornik dokumentov* [Hungarian internationalists in the October revolution and in the Civis War in the USSR: Collection of documents] (Vol. 2). Moscow: Politizdat. (In Russian).

Kondrat'ev, A. V., Shcherbinin, P. P. (2009). Voennoplennye i provintsial'noe obshchestvo Rossiiskoi imperii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. [Prisoners of war and provincial society of the Russian Empire during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universitera* [Tambov University Review], Ser. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]*, 2009*(12(80)), 354–357. (In Russian).

Kramer, A. (2010). Prisoners in the First World War. In S. Scheipers (Ed.). *Prisoners in war*, 75–90. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Krammer, A. (1983). Soviet propaganda among German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russia, 1917–1922. In S. R. Williamson Jr., P. Pastor (Eds.). *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, 239–264. New York: Brooklyn College Pr.

Kvakin, A. V. (Ed.). (2007). *Okrest Kolchaka: Dokumenty i materialy* [Around Kolchak: Documents and materials]. Moscow: Agraf. (In Russian).

Lanouette, W. (2013). *Genius in the shadows: A biography of Leo Szilard, the man behind the bomb.* New York: Skyhorse Publishing, Inc.

Lanouette, W., Grufman, U. (2012, May 4). Leo Szilard and the Founding of Council for a Livable World. *Council for a Livable World.* Retrieved from https://livableworld.org/leo-szilard-and-the-founding-of-council-for-a-livable-world.

Lazaroms, I. J. (2014). Marked by violence: Hungarian Jewish histories in the wake of the White Terror, 1919–1922. *Zutot: Perspectives on Jewish Culture, 11*(1), 39-48.

Leed, E. (2000). Fateful memories: Industrialized war and traumatic neuroses. *Journal of Contemporary History, 35*(1), 85–100.

Leidinger, H., Moritz, V. (2003). *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920.* Vienna: Böhlau. (In German).

Lein, R. (2014). Between acceptance and refusal — Soldiers' attitudes towards war (Austria-Hungary). In *International Encyclopedia of the First World War.* Retrieved from https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_austria-hungary.

Lenin, V. I. (1974a). Vystuplenie na zasedanii TsK RSDRP (b) 19 ianvaria (1 fevralia 1918 g.) Protokol'naia zapis' [Speech at the meeting of CC RSDRP (b) 19 January (1 February 1918 g. Protokol]. In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 35), 318–320. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).

Lenin, V. I. (1974b). Pis'ma izdaleka [Letters from afar]. In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 31), 11–22. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).

Levchuk, A. P. (1996). Eshche raz o "prodannom korpuse": K voprosu o vozniknovenii chekhoslovatskogo miatezha [One more time about the 'sold legion': towards the question of Czechoslovak rebellion]. In L. I. Bozhenko (Ed.). *Iz istorii revoliutsii v Rossii: pervaia chetvert' XX v.: Materialy Vserossiiskogo simpoziuma, posviashchennogo pamiati … I. M. Razgona* [From the history of the revolution in Russia: The first quarter of the XX century: Proceedings of the All-Russia symposium in memoriam I. M. Razgon] (Part 2), 3–12. Tomsk: TGU. (In Russian).

Macdonald, S. (n. d.). *Transnational history: A review of past and present scholarship.* Retrieved from https://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/objectives/simon_macdonald_tns_review.

Mannheim, K. (1971). The problem of generations. In K. Mannheim. *Essays on the sociology of culture*. E. Mannheim, P. Kesckemeti (Eds.), 276–322. London: Routledge; Kegan Paul.

Manusevich, A. Ia. (Ed.) (1987). *Internatsionalisty: Uchastie trudiashchikhsia stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v bor'be za vlast' Sovetov* [Internationalists: Participation of workers from Central and South-Eastern Europe in the struggle for Soviet power]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Mennen, K. (2017). ‘Milksops’ and ‘bemedalled old men’: War veterans and the war youth generation in the Weimar Republic. *Fascism*, *6*(1), 13–41.

Monk, C. (2010). *Writing the lost generation: Expatriate autobiography and American Modernism.* Iowa: Univ. of Iowa Press.

Nachtigal, R. (2008). The repatriation and reception of returning prisoners of war, 1918–22. *Immigrants and Minorities*, *26*(1–2), 157–184.

Nagi, E. A. (2001). Delo ottsa: Dokumentirovannyi rasskaz [My father’s case: Documented story]. In E. A. Nagi. *Byloe v pamiati moei (Erinnerungen)* [The past in my memory (Erinnerungen)], 221–255. Dusseldorf: [n. p.]. (In Russian).

Neiberg, M. S. (2004). *Warfare and society in Europe, 1898 to the present.* New York; London: Routledge.

Ozerov, G. [Kerber, L. L.] (1973). *Tupolevskaia sharaga* [Tupolev’s ‘sharaga’]. Frankfurt-am-Mein: Posev. (In Russian).

Pastor, P. (2012). Capture and captivity, Hungarian prisoners of war in Siberia. In P. Pastor, G. A. Tunstall (Eds.). *Essays on World War I*,111–129. New York: Columbia Univ. Press.

Petrák, K. (2000). *Magyarok a Szovjetunióban, 1922–1945*. Budapest: Napvilág Kiadó. (In Hungarian).

Pinthus, K. (1939 / 1940). Life and death of Ernst Toller. *Books Abroad, 14*(1), 3–8.

Poety i pisateli — voiny Pervoi mirovoi voiny [Poets and writers — soldiers of World War One] (2014, July 25). Munitsipal’noe biudzhetnoe uchrezhdenie kul’tury “Novomoskovskaia bibliotechnaia sistema” [Municipal Budgetary Institution of Culture “Library System of Novomoskovsk”]. Retrieved from http://www.nmosk-lib.ru/news/detail.php?ID=1182. (In Russian).

Pullmann, F. (2002). Hungarians in World War I. In L. Veszprémy, B. K. Király (Eds.). *A millennium of Hungarian military history*, 350–368. Boulder, Colo.: Social Science Monographs.

Rachamimov, A. (2000). Imperial loyalties and private concerns: Nation, class and state in the correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia, 1916–1918. *Austrian History Yearbook, 31*, 87–105.

Rachamimov, A. (2002). *POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front.* London: Bloomsbury Academic.

Rees, H. L. (1992). *The Czechs during World War I: The path to independence.* Boulder: East European Monographs.

Remark, E. M. (1993). *Tri tovarishcha* [Trans. from Remarque, E. M. (1964). *Drei Kameraden*. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch]. Perm: RITs “KAPIK”. (In Russian).

Remark, E. M. (2016). *Na Zapadnom fronte bez peremen* [Trans. from Remarque, E. M. (1929). *Im Western nichts Neues*. Berlin: Propyläen verlag]. Moscow: AST. (In Russian).

Rosenfeld, S. (2001). *Understanding Joseph Roth.* Columbia, SC: Univ. of South Carolina Press.

Roth, J. (2013). *The emperor’s tomb.* London: Granta.

Saunier, P. Y. (2013). *Transnational history.* Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.

Savchenko, S. N. (1999). Arest i gibel’ atamana I. P. Kalmykova v Kitae v 1920 g. [Arrest and death of ataman I. P. Kalmykov in China in 1920]. *Kitaiskoi Narodnoi Respublike 50 let: istoriia i sovremennost’ (tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18–19 maia 1999 g.)* [50 years of People’s Republic of China: History and modernity (theses of an international conference, 1999, May 18–19)], 89–92. Vladivostok: Dal’nauka. (In Russian).

Shleikher, I. I. (2001). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny: problemy pleneniia, transportirovki i soderzhaniia v sibirskikh lageriakh [Prisoners of war of the First World War: Problems of capturing, transportation and captivity in the Siberian camps]. In E. E. Kazakov (Ed.). *Iz proshlogo Sibiri* [From the past of Siberia] (Issue 4, Part 1), 54–97. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).

Smith, G. B. (2002). Guarding the railroad, taming the Cossacks. The U. S. Army in Russia, 1918–1920. *Prologue Magazine, 34*(4), 294–305.

Stepun, F. (2000). *Iz pisem praporshchika artillerista* [From the letters of an artillery officer]. Praha: Plamia. (In Rusian).

Strachan, H. (2003). *The First World War* (Vol. 1: To arms). Oxford: Oxford Univ. Press.

Surzhikova, N. V. (2009). Povsednevnost' ural'skogo plena: vzgliad iznutri (konets 1916 — pervaia polovina 1917 g.) [Everyday life in captivity in the Urals: A view from within (end of 1916 — first half of 1917)]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin]*, 28*(166), Ser. *Istoriia* [History]*, 34*, 167–172. (In Russian).

Surzhikova, N. V. (2011). Rossiiskii i sovetskii plen kak prostranstvo neformal'noi kommunikatsii (po materialam Srednego Urala) [Russian and Soviet captivity as space for informal communication (on materials from the Middle Urals region)]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history]*, 2011*(4), 53–63. (In Russian).

Surzhikova, N. V. (2014). Rossiiskii plen 1914–1917 gg.: problema institutsional'noi attributsii [Russian captivity of 1914–1917: The problem of institutional attribution]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]*, 2*(3), 5–12. (In Russian).

Talapin, A. N. (2009). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v dorevoliutsionnom Kurgane [Prisoners of war of the First World War in pre-revolutionary Kurgan]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], *2009*(5(81)), 20–22. (In Russian).

Talapin, A. N. (2013). Voennoplennye pervoi mirovoi voiny v Sibiri v period Grazhdanskoi voiny i repatriatsii [Prisoners of war of the First World War in Siberia during Civil War and repatriation]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]*, 2013*(3(69)), 81–83. (In Russian).

Taylor, Ch. (1994). The politics of recognition. In A. Gutmann (Ed.). *Multiculturalism: Examining the politics of recognition, 25–53*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Tsapko, A. I. (2001). K voprosu o biiskom kontsentratsionnom lagere [About Biysk concentration camp]. *Kraevedcheskii vestnik* [Regional herald (Biysk)] *11*, 25–29. (In Russian).

Tsareva, E. S. (2012). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v muzykal'noi zhizni Sibiri [Prisoners of war of the First World War in musical life in Siberia]. *Iuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh* [South-Russian musical anthology]*, 2012*(1), 78–88. (In Russian).

Tsvetkov, V. (2001). Miatezh: Chekhoslovatskii korpus na poliakh Grazhdanskoi voiny. [Mutiny: Czechoslovak Legion during the Civil War]. *Rodina*, *2001*(6), 55–61. (In Russian).

Tunstall, G. A. (2010). *Blood on the snow: The Carpathian Winter War of 1915.* Lawrence: Univ. Press of Kansas.

Unterberger, B. M. (1956). *America's Siberian expedition, 1918–1920: A study of national policy.* Durham, NC: Duke Univ. Press.

Valiakhmetov, A. N. (2012). Noveishaia otechestvennaia istoriografiia o chekhoslovatskom legione v Rossii [The recent Russian historiography about the Czechoslovak Legion in Russia]. *Gramota, 2012*(1) (Part 2), 45–48. (In Russian).

Valiakhmetov, A. N. (2012). Vystuplenie Chekhoslovatskogo legiona v mae 1918 g.: "Zagovor Antanty" ili "Miatezh protiv soiuznikov" (zarubezhnaia istoriografiia) [Czechoslovak Legion's rebellion in May 1918: Entente conspiracy or rebellion against the Allies (foreign historiography)]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tatar State Humanities-Pedagogical University]*, 2012*(3), 207–210. (In Russian).

Vasil'eva, S. N. (1999). *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: uchebnoe posobie k spetskursu* [German, Austro-Hungarian and Russian prisoners of war during the First World War: A manual for the special course]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr MGOPU. (In Russian).

Volgyes, I. (1973). Hungarian prisoners of war in Russia 1916–1919. *Cahiers du Monde russe et soviétique, 14*(1/2), 54–85.

Watson, A. (2009). *Enduring the Great War: Combat, morale and collapse in the German and British armies, 1914–1918.* New York: Cambridge Univ. Press.

Weeks, Th. R. (2009). Vilnius in World War I, 1914–1920. In J. Tauber (Ed.). *Über den Weltkrieg hinaus, Kriegserfahrungen in Ostmitteleuropa 1914–1921*, 34–57. Lüneburg: Nordost-Institut.

White, D. S. (1992). *Lost comrades: Socialists of the front generation 1918–1945.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Winter, J. M. (2000a). Shell-shock and the cultural history of the Great War. *Journal of Contemporary History, 35*(1), 7–11.

Winter, J. M. (2000b). *Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Wróbel, P. J. (2014). Foreshadowing the Holocaust: The Wars of 1914–1921 and Anti-Jewish violence in Central and Eastern Europe. In J. Böhker, W. Borodziej, J. von Puttkamer (Eds.). *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War*, 169–2018. München: Oldenbourg Verlag.

Zalka, M. (1983). Doberdo. In M. Zalka. *Izbrannoe* [Selected writings]. N. Zalka (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. Retrieved from militera.lib.ru/prose/foreign/zalka_m1/index.html (In Russian).

Zalka, N. (1987). *Chelovek iz Matol'cha: povest'-khronika o zhizni Mate Zalki* [A man from Matolcs: A novel-chronicle about life of Mathe Zalka]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Zaslavskaia, O. V. (2016). Ot Fiume do Krasnoi rechki: po sledam odnogo mifa [From Fiume to Krasnaia Rechka: In the footsteps of a myth]. *Pravo na imia. Biografika veka: Trinadtsatye chteniia pamiati Veniamina Iofe. 20–22 aprelia 2015* [Right to a name: Biography of a century: 13th Readings in memoriam of Veniamin Iofe, 2015, April 20–22], 45–59. St. Petersburg: [NITs "Memorial"]. (In Russian).

To cite this article:

Zaslavskaya, O. V. (2018). Mezhdu voinoi i revoliutsiei: transnatsional'nyi kontekst kollektivnoi biografii "poteriannogo pokoleniia" Vostochnoi Evropy [Between war and revolution: The transnational context of the collective biography of Eastern Europe's "lost generation"]. *Shagi / Steps, 4*(2), 166–203. (In Russian).

Received February 22, 2018